

Check for updates

Виды искусства

УДК 72.01

EDN YLKWYS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429>

Становление самоидентификационного вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х годов (тенденции и предпосылки)

Д. Е. Фесенко ¹

¹ Журнал «Архитектурный вестник», 123001, Россия, г. Москва, Гранатный пер., д. 7

Для цитирования:

Фесенко, Д. Е. (2025) Становление самоидентификационного вектора в архитектуре России в 2010-е — середине 2020-х годов (тенденции и предпосылки). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 4, с. 399–429. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429> EDN YLKWYS

Получена 23 августа 2025; прошла рецензирование 15 сентября 2025; принята 30 октября 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. Е. Фесенко (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY 4.0.

Аннотация. Выявлены «внешние» предпосылки и «внутренние» тенденции развития современной российской архитектуры. Показано, что развитие самоидентификационного, или самобытного тренда обусловлено общественным запросом, общегосударственной санкцией, наличием экономического ресурса. В трудах отечественных ученых выдвинут ряд положений, которые могли бы служить основанием развития самоидентификационного начала в архитектуре. Проанализирован ряд кризисных явлений в геополитической, социокультурной и экономической сферах, включая военно-стратегические, демографические, расселенческие макроугрозы и риски, которые предполагают адекватную реакцию со стороны российской архитектуры. Выявлены и описаны три феномена, получившие развитие в рамках самобытного тренда в отечественной архитектуре, в том числе: охрана памятников и реставрация, возрождение малых поселений и развитие национальных и региональных традиций. Так, механизмом обретения новой жизни городскими и сельскими поселениями предстает реиндустриализация, что предполагает отказ от стягивания демографических ресурсов в крупнейшие города и возрождение расселенческой сети, восстановление и строительство жилых домов и объектов инфраструктуры, параллельное развитие местных производств — от деревообработки до агро- и льнопроизводства, что позволяет избежать монопрофильности. Делается вывод, что развитие малых и средних городов, сельских территорий и национальных и региональных архитектурных традиций нуждается в дополнительной поддержке. Представлены несколько пилотных проектов, в том числе в области реиндустриализации, близ районных центров Вологодской и Тверской областей — Грязовца и Торжка, которые могли бы способствовать возрождению малых поселений и развитию национальных и региональных традиций в архитектуре России.

Ключевые слова: российская архитектура, вестернизационный и самоидентификационный тренды, геополитика, культура, образование, демография, экономика, охрана наследия и реставрация, возрождение малых поселений, развитие национальных и региональных традиций

Development of the self-identifying vector in Russian architecture from the 2010s to the mid-2020s: Trends and prerequisites

D. E. Fesenko ¹

¹ Architectural Herald, 7 Granatny Ln., Moscow 123001, Russia

For citation: Fesenko, D. E. (2025) Development of the self-identifying vector in Russian architecture from the 2010s to the mid-2020s: Trends and prerequisites. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 4, pp. 399–429. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-4-399-429> EDN YLKWYS

Received 23 August 2025;
reviewed 15 September 2025;
accepted 30 October 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. E. Fesenko (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract. This article identifies the ‘external’ prerequisites and ‘internal’ trends in the development of contemporary Russian architecture. It shows that the development of a self-identifying, or original, trend is driven by public demand, state endorsement, and the availability of economic resources. Russian scholars have advanced several propositions that could serve as a basis for developing a self-identifying principle in architecture. The article analyzes crises in the geopolitical, sociocultural, and economic spheres, including military–strategic, demographic, and settlement–related macro-threats and risks that require an adequate response from Russian architecture. It identifies and describes three phenomena that have developed within the self-identifying trend in Russian architecture: the protection and restoration of monuments, the revival of small settlements, and the development of national and regional traditions. Reindustrialization is presented as a mechanism for reviving urban and rural communities. This involves abandoning the concentration of demographic resources in the largest cities and reviving the settlement network, restoring and constructing residential buildings and infrastructure, and simultaneously developing local industries — from timber industry to agricultural and flax production — to avoid single-industry economy. The author concludes that the development of small and medium-sized towns, rural areas, and national and regional architectural traditions requires additional support. The author describes several pilot projects — including those related to reindustrialization — near the district centers Gryazovets and Torzhok in the Vologda and Tver regions. These projects could contribute to the revival of small settlements and the development of national and regional architectural traditions in Russia.

Keywords: Russian architecture, Westernization and self-identifying trends, geopolitics, culture, education, demography, economics, heritage protection and restoration, revival of small settlements, development of national and regional traditions

Проблема идентичности постсоветской архитектуры поднималась в 1990-е годы в связи с распространением нарратива «Россия, которую мы потеряли». В 2000-е годы она ассоциировалась с издержками лужковского стиля и в этой связи мало-помалу сошла на нет. Чтобы вновь всплыть в 2010-е — например, архитектурное бюро «Мегабудка» еще десятилетие назад ставило целью разработку нового русского стиля. Правда, в отличие от практических работ их теоретические изыскания не представляют особого интереса.

В 2020-е годы обращение к теме национальной идентичности в архитектуре носит регулярный характер. Последний по времени импульс она получила с педализированием ее со стороны Д. Трампа по отношению к современной американской архитектуре. В отечественном архитектурном дискурсе она представлена, например:

в проекте «Маяки русского мира», реализациях, которые можно отнести к героической разновидности русского стиля, а также теоретических работах А. О. Комова, который не сводит идентичность в архитектуре к «чему-то стилевому». В его определении, «...это вопрос выживания нашей цивилизации, синтеза лучших традиций национальной архитектуры, современного технологического и художественного опыта, глубокого смысла и сакральных символов», а «не просто набор форм или отсылок к прошлому». Автор подчеркивает, что большой стиль всегда рождается «на грани», на сломе эпох. «Мы должны дать миру ни более ни менее новую формулу, новую парадигму бытования человека... И архитектура здесь играет ведущую роль» (Формула Комова... 2025).

Если говорить о самотождественности, или самобытности российской архитектуры

(представляется, что это понятие более адекватно описывает архитектурный феномен, по сравнению с традиционализмом, идентичностью или аутентичностью), то в такой формулировке проблема ставилась в наших работах с начала 2010-х годов. Среди разработанных пяти теоретических моделей, описывающих российский архитектурный процесс, фигурирует так называемая синергетическая, в соответствии с которой грядущему макросдвигу середины — конца 2010-х годов предшествовало формирование двух оппонирующих параметров порядка. Они получили название «вестернизационный» и «самотождественнический», или самобытный (Фесенко 2012).

В более поздней статье противостояние между западническим и самотождественническим (самобытным) трендами в отечественной архитектуре рассматривалось как вторая производная от сшибки на высших уровнях: общемировом — глобализации и макрорегионали-

зации, и внутрироссийском — неокOLONиальной экономики и суверенной геополитики (первая производная). С опорой на работы российских исследователей (от А. И. Фурсова и В. Ю. Катонова до М. Г. Делягина и Максима Калашникова (В. А. Кучеренко)) отмечалось, что в случае победы первого тренда общество ждет мир, распадающийся на касты «коротко-» и «долгоживущих», отличающиеся в том числе видовыми характеристиками. Если Виктория будет за вторым, то появляется надежда на более демократичный и национально и социально ориентированный сценарий. Делался вывод, что положение дел внутри профессии фактически воспроизводит общую рамочную конструкцию, на которой держится современное мироздание (Фесенко 2016).

В настоящей статье автор актуализирует и развивает вышеуказанную тему, сосредоточиваясь на выявлении и описании «внешних» предпосылок и «внутренних» тенденций.

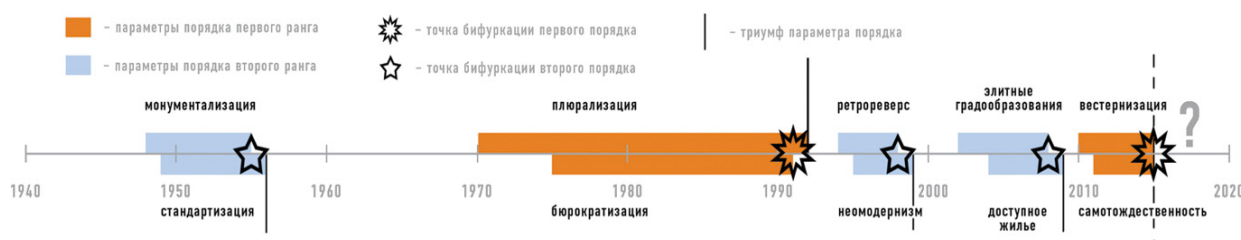

Рис. 1. Синергетическая модель эволюции российской архитектуры середины XX — начала XXI вв. 2012. Автор Д. Е. Фесенко

Примечание: Данная модель опирается на известное положение одного из основателей синергетики Г. Хакена о возникновении в окрестности точки бифуркации параметров порядка, или наиболее медленно меняющихся переменных, эскалация взаимоотношений между которыми служит маркером приближения макроисторического слома. Один из управляющих параметров рано или поздно одерживает победу, как правило, определяя лицо следующей архитектурной эпохи. Введены различия между параметрами порядка и точками бифуркации первого и второго уровней — в зависимости от базовых характеристик первых (размерность, содержание) и глубины историко-архитектурных трансформаций (слома / переформатирование). На разных этапах развития российской архитектуры середины XX — начала XXI вв. такими оппонирующими парами являлись: монументализация и стандартизация (конец 1940-х — первая половина 1950-х), плюрализация и бюрократизация (первая половина 1970-х — начало 1990-х), ретрореверс и неомодернизм (середина — конец 1990-х), элитные градообразования и доступное жилье (середина — конец 2000-х), вестернизация и тяга к самотождественности (начало — конец 2010-х).

Fig. 1. A synergetic model of the evolution of Russian architecture from the mid-20th to the early 21st centuries. 2012. Author: D. E. Fesenko

Note: This model is based on the established proposition by Hermann Haken, a founder of synergetics, regarding the emergence of order parameters (the most slowly changing variables) near a bifurcation point. The escalating interaction between these parameters signals an approaching macro-historical breakdown. One governing parameter eventually prevails, typically shaping the character of the subsequent architectural era. The model distinguishes between first- and second-level order parameters and bifurcation points, depending on the basic characteristics of the former (dimension, content) and the depth of historical and architectural transformations (breakdown or reformatting). At different stages of Russian architectural development from the mid-20th to the early 21st centuries, such opposing pairs included: monumentalization and standardization (late 1940s—first half of 1950s); pluralization and bureaucratization (first half of 1970s—early 1990s); retroreverse and neomodernism (mid- to late 1990s); elite urban developments and affordable housing (mid- to late 2000s); and Westernization and a drive for self-identification (early to late 2010s).

Вслед за постсоветской культурой российская архитектура 1990–2010-х годов в общем и целом следовала в фарватере западного архитектурного процесса. Важнейшим фактором, оказавшим воздействие на отечественную архитектурную практику, как эксплицитно, со ссылками на труды выдающихся философов и культурологов (от Ж. Деррида и Ф. Джеймисона до К. Леви-Стросса и Ч. Дженкса), так и с опорой на достижения мировой практики архитектуры, прокатившиеся по международным архитектурным журналам проекты и постройки, основанные на положениях этих мыслителей, являлась философская и культурологическая мысль Запада. Российская архитектура постсоветских десятилетий впитала культурную атмосферу постмодерна, дезавуировавшего идеологический каркас современной эпохи.

Однако первые симптомы смены вестернизационной культурной матрицы, установившейся после распада Советского Союза, относятся уже к 2000-м годам. Причем прослеживаются они не только внутри консервативно мыслящего научного и культурного сообщества, но и со стороны высшей государственной власти. С 2000-х этот процесс шел по нарастающей, сопровождаясь отдельными всплесками, в частности, патриотического подъема после возвращения Крыма, чтобы с началом СВО составить значимую альтернативу захватившей многодесятилетнюю монополию неолиберальной парадигме.

Источником социокультурных трансформаций являются, прежде всего, инициативы, исходящие от первого лица. Имеются в виду выступления президента России и официальные документы, указы и постановления правительства. Большую роль в изменении повестки сыграли также значимые научно-философские труды, принимающие на себя роль ориентиров будущих социально-политических, экономических и социокультурных изменений и оказавшие заметное влияние на развитие отечественной общественной мысли. В целом ряде социально-философских работ российскими мыслителями — философами и культурологами, политологами и экономистами — был выдвинут круг идей в различных областях знания от геополитики и культуры до экономики и демографии, имеющих целью смену уходящей в историю неолиберальной культурной матрицы.

В архитектуре трансформации происходят со сдвижкой, заметно растянуты во времени. Тем не менее, несмотря на заторможенную динамику, в том числе в силу сопротивления внутри профессии в связи с сугубой ангажированностью неолиберальным дискурсом, эти

подвижки захватывают различные разделы и уровни профессии.

Теоретико-методологические предпосылки развития российской архитектуры в 2010-е — середине 2020-х годов

В качестве стратегических ориентиров, задающих новую политическую повестку, являются выступления президента России В. В. Путина, в частности, его речь на 43-й Мюнхенской конференции по безопасности о неприемлемости и невозможности однополярного мира и господства Соединенных Штатов (2007); интервью изданию *The Financial Times*, в котором президент подчеркнул, что либеральная идея себя изжила и вступила в противоречие с интересами подавляющего большинства населения (2019); выступление в Международном дискуссионном клубе «Валдай» (Сочи) об исчерпанности капитализма и кризисе человеческой цивилизации (2021). 30 сентября 2022 года перед подписанием договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «диктатура западных элит направлена против всех обществ, в том числе и народов самих западных стран. Это вызов всем, такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты религии наоборот — откровенного сатанизма» (Текст обращения Путина... 2022). Позднее выходит Указ Президента Российской Федерации от 9.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который определяет стратегические ориентиры в области обеспечения национальной безопасности страны в сфере культуры.

Отечественными мыслительными центрами консервативной ориентации подготовлен ряд программных документов, в основе которых лежит критика современных мировых тенденций развития человеческой цивилизации, ведущих ее к самоликвидации и захвативших также постсоветскую Российскую Федерацию, и понимание России как Ноева ковчега для всего человечества. Среди них: коллективный труд «Русская доктрина» (под редакцией А. Б. Кобыкова, В. В. Аверьянова, 2005) и последующие фундаментальные работы «Россия — Ноев Ковчег человечества» (под редакцией Ю. В. Громыко, Ю. В. Крупнова), «Русский Ковчег. Альтернативная стратегия

мирового развития» (под редакцией В. В. Аверьянова, 2019–2020).

Основные идеи, выдвинутые с конца 1990-х годов, многие из которых со временем стали общим местом не только российского, но и мирового дискурса, охватывают различные тематические разделы и дисциплины.

Геополитика как поворотная точка в эпоху перемен

Осознание исчерпанности капитализма, зародившегося в период «длинного XVI века», вступления его в терминальную фазу восходит к трудам последних десятилетий XX века, в частности, к исследованиям И. М. Валлерстайна, А. Г. Франка и др. Появление в начале 2020-х годов работы К. Шваба и Т. Маллере «COVID-19: великая перезагрузка» является индикатором осознания и обнародования глобальными центрами управления непреложного факта надвигающегося цивилизационного слома, того, что «мир уже не будет прежним», и отчаянной попыткой оказаться на гребне волны со спешно разработанной дорожной картой перехода к инклюзивному капитализму с его «совершенно новыми видами собственности» (Великая перезагрузка... 2020). Пандемия использовалась как «окно возможностей», по сути, трамплин для порабощения человечества. Всемирный экономический форум превентивно, еще во второй половине 2010-х годов, выпустил ролик «У вас не будет ничего, и вы будете счастливы» с прицелом на 2030-й.

С обезоруживающей критикой человеконенавистнической концепции «новой нормальности», в действительности исходящей от мирового управляющего класса, фронтменом которого является К. Шваб, выступили отечественные ученые А. И. Фурсов, В. Ю. Катаронов, М. Г. Делягин, М. А. Хазин, В. А. Лепехин и др. Так, Фурсов указывает на разрабатываемые в тиши кабинетов разновидности способа управления человеческой массой: цифровой и биологический контроль населения, метафорически он называет это биоэкотехнофашизмом (Фурсов 2024).

Вслед за Дж. Арриги появляется все больше работ, исследующих особенности и закономерности смены западного цикла накопления капитала и мировой гегемонии азиатским и указывающих на надрыв Америки как мирового гегемона, следствием чего является движение в сторону многополярного мира либо, как возможный вариант, смена мирового гегемона.

С начала 2000-х годов обсуждается тема смены глобализации макрорегионализацией,

под которой понимается обусловленный макроэкономическими причинами распад мира на шесть-семь панрегионов, импероподобных образований, относительно автономных геополитически и геоэкономически. Складываются критерии формирования таких образований — от количества населения до годового ВВП. Как комментирует М. Г. Делягин, индикатором распада рынка на макрорегионы является объявление Д. Трампом торговой войны Китаю. «При этом считалось, что, в частности, информационный рынок не может распасться в принципе. А что мы видим? Он уже рассыпался! И это не конец общего распада, а только его начало» (Глобализация умерла... 2023).

Применительно к России: у страны нет альтернативы создания собственного панрегиона, в противном случае ее территория будет поделена между геополитическими хищниками.

Прослеживаются истоки зарождения и развития новой волны неомальтузианства и политики сокращения «избыточного» населения (от 1–2 млрд до 500 млн человек), начиная от первых докладов Римского клуба, датированных первой половиной 1970-х годов. Среди инструментов депопуляции: от активации региональных конфликтов и войн и навязывания ЛГБТ-повестки (в России ЛГБТ признана экстремистской и террористической организацией) до содействия распространению эпидемий и вакцинации населения.

Альтернативой всевластию транснациональных корпораций и банков, охватившему весь мир геополитическому, геоэкономическому, геокультурному кризису, неуклонно приближающемуся Потопу предстает государство-цивилизация Россия, позиционируемое как Ноев ковчег для всего человечества. Этот библейский образ, используемый авторами «Русского Ковчега», противостоит «потопу невидимому, ментальному, потопу информации, образов, мысленного хаоса, растления, который изнутри самого человечества грозит затопить последний живой клочок его сердца, растворить его жизненные смыслы» (Русский Ковчег... 2020).

Геополитическая логика определяет военно-стратегические приоритеты. Исследователи констатируют размывание границ между войной и миром в эпоху гибридных и сетцентрических войн. Так, в одном из наиболее системных документов военно-политической сферы, увидевших свет в последнее время, в докладе РЭНД Корпорейшн «Dispersed, Disguised and Degradable» («Рассеянный, замаскированный и разлагающийся», май 2025) война предстает не отклонением от мира, а его новой формой, итеративным

процессом, системной глобальной нестабильностью. «Война не как хирургия, а как химиотерапия — изнурительная, токсичная, долгая». «Победа больше не выглядит как флаг над руинами. Победа — это когда противник не может понять, проиграл он или еще сражается». По сути, доклад РЭНД представляет собой технократический манифест войны нового типа, соответствующей эпохе управляемого хаоса, войны не за территорию, а за продвижение инструментов нового принуждения, «где фронт — понятие условное, а победа — эффект совокупных системных перегрузок противника» (Новый стандарт... 2025).

Известный феномен «туман войны» рассеивается в опыте боестолкновений 2020-х годов, благодаря беспрецедентному рывку в развитии средств наблюдения за действиями противника, — от спутниковых до БПЛА, абсолютной прозрачности линии фронта и появившейся возможности наносить высокоточные удары практически на любую глубину, вплоть до стратегической. Риски сосредоточения войсковых соединений и техники в одной точке, в том числе за линией боевого соприкосновения, заставляют менять основы военного дела. Боевые действия теперь должны вестись мелкими подразделениями и отдельными боевыми машинами, что требует изменения подходов ко всем аспектам боевого, тылового и технического обеспечения, организации войск и сил и развития всех систем вооружения и военной техники. Как настаивает бывший начальник Генштаба ВС РФ, генерал армии Ю. Н. Балувевский, необходим пересмотр доктрины военных действий и принципов организации линии фронта, вооруженных сил и планирования обороны в целом (СВО и революция... 2024).

В связи с изменением характера войны и боевых действий становятся сверхактуальными не востребованные в свое время у нас разработки стратегии не прямых действий (по Б. Г. Лиддел Гарту) и теории специальных военных операций, восходящие к концу 1990-х годов.

Если говорить о перспективах развития военно-стратегической ситуации в мире, то по факту большая часть предпосылок Четвертой мировой войны сложилась.

1. *Геополитические.* Сформированы коалиции: по одну сторону — страны Запада со слабеющими Соединенными Штатами и дышащим на ладан Евросоюзом, по другую — ось Москва — Тегеран — Пекин — Пхеньян. Это отражает главную коллизию эпохи — смену центров накопления капитала и мировой гегемонии: США и — шире — Запад уступают место КНР и странам АТР.

2. *Социально-экономические.* Приближение идеального экономического шторма в мировом масштабе, вхождение экономик большинства государств в кризисное состояние, снижение основных макроэкономических показателей, нарастающая имущественная поляризация населения и сокращение численности среднего класса.

3. *Социокультурные.* Запад, подготавливая мировое общественное мнение к грядущей гекатомбе, на протяжении как минимум последнего десятилетия последовательно демонизирует Россию, расчеловечивая русских. Подобное имело место, к примеру, в 1820-е — первой половине 1850-х годов, в преддверии Крымской войны (1853–1856).

4. *Социологические.* На высшие посты в руководстве ЕС и ведущих европейских странах поставлены реваншистски настроенные потомки высшего офицерства СС (от Ф. Мерца и А. Бербок до Д. Туска и У. фон дер Ляйен).

5. *Военно-стратегические.* Если говорить только о России, то в качестве болевых точек предстают: эксклав в лице Калининградской области и Приднестровская республика, которые обступают заметно превосходящие силы противника, наращивающего военный потенциал и уже приступившего к организации провокаций. В последнее время в связи с искусственно формируемой англосаксами смычкой Армении и Азербайджана к ним добавился Северный Кавказ.

6. *Логистические.* Подписана декларация о свободном перемещении войск НАТО («военный Шенген»), в рамках которой функционирует военно-транспортный коридор между Нидерландами, Германией и Польшей. Развиваются крупнейшие инфраструктурные проекты в Европе: Via Baltica (до 2030 г.), Via Carpatia (до 2027 г.), коммуникационный порт «Солидарность» (до 2028 г.); грузовой порт Роттердама готовится к приему грузов военного назначения с резервацией специально выделенных причалов и складов. В Молдавии модернизируют аэродромы Маркелушты и Бельцы, а также передаваемый Румынии порт Джурджулешты, обустраивают площадки для концентрации боевой техники. По железнодорожному маршруту, соединяющему балтийские порты и Западную Украину через логистический хаб под Краковом, идут военные грузы (главным оператором выступает Deutsche Bahn). Разрабатывается ТЭО скоростной автомагистрали Унгены — Кишинев — Одесса, предназначенной для военных поставок. В конце октября 2025 года Литва перекрывает Сувалкский коридор, обеспечивающий

транзит грузов из России и Беларуси в Калининградскую область (военное прикрытие осуществляет дислоцирующаяся в Литве 45-я бронетанковая бригада Бундесвера, оснащенная в том числе БПЛА-камикадзе). Это указывает на то, что развертывание войск НАТО носит не только оборонительный, но и наступательный характер.

7. *Военно-технические.* ЕС приняты план ReArm EU («Готовность-2030») и программа SAFE, направленные на закупку вооружений и развитие военно-промышленного комплекса стран Евросоюза. В частности, Германия планирует приобрести у США и в 2026 году разместить на своей территории пусковые установки Turphon, приспособленные под использование класса ракет средней и меньшей дальности, включая Томагавки, в том числе в ядерном снаряжении с дальностью полета 1,5 тысячи км. Активно развиваются европейские оборонные стартапы, включая производителей дронов-камикадзе, в частности, Helsing и Stark. Производство ударных БПЛА также налажено германским оборонным концерном Rheinmetall, который сотрудничает с американской и израильской компаниями-производителями беспилотников Anduril и UVision. Начиная с 2022 года площади военно-промышленных мощностей в странах ЕС выросли на 7 млн м², и строительство продолжается — так, Rheinmetall планирует построить на территории Украины завод по производству снарядов. Определяющим для принятия решения о начале боевых действий может оказаться достигнутое противником опережающее развитие в ряде важнейших военно-технических направлений, связанных с конвенциональными вооружениями, начиная от роевых порядков БПЛА, возможно, в комплекте с пилотируемой авиацией и заканчивая платформами ИИ типа Maven Smart System от Palantir Technologies, интегрирующими и обрабатывающими гигантские объемы данных от спутниковой разведки, беспилотных систем слежения и морской навигации до социальных сетей, и содействующими военному командованию в принятии решений.

Единственное, что может затормозить развязывание военных действий — нарастающий дефицит бюджета в большинстве стран Европы: от 2,8 % в Германии и 5,75 % в Великобритании до 5,8 % во Франции и 6,6 % в Польше (данные по 2024 г.). Впрочем, перед Первой мировой войной, в 1913–1914 годах, задолженность европейских стран и России также варьировалась от \$3,44 млрд в Великобритании и \$3,8 млрд в Австро-Венгрии до \$5,05 млрд в Германии, \$6,37 млрд во Франции и \$8,82 млрд в России,

что не помешало 28 июля 1914 года Австро-Венгрии объявить войну Сербии.

Можно вспомнить еще готовые в любой момент прорваться гнойные узлы на карте мира, как Китай — Тайвань и Иран — Израиль, Индия — Пакистан, Турция — Греция и станет очевидно, что достаточно к одной из этих зон уязвимости поднести фитиль, чтобы полыхнуло. А, как известно, у англосаксов по этой части многовековой опыт.

От культуры как «мягкой силы» до образования и демографии

На Западе осознание культуры как действенного инструмента проецирования силы имело место еще до работ Дж. Ная, датированных последними десятилетиями XX века, которые посвящены «мягкой силе» как форме политической власти. В России к такому инструментальному пониманию культурных практик приходят — и то, пока скорее в теории — с большим запаздыванием.

Тем не менее, критика постмодернизма в культуре и процессов вестернизации российской социокультурной сферы в постсоветскую эпоху относится к 1990–2000-м годам и связана с трудами А. И. Фурсова, В. Ю. Катасонова, Г. Г. Малинецкого, А. Г. Дугина, В. В. Аверьянова, М. Г. Деягина, В. П. Семенко и др.

Исследователи признают, что макроисторические сдвиги неизменно находят опору в художественной культуре и искусстве, которые смягчают и облагораживают присущий революционным изменениям воинствующий нигилизм. Как подчеркивает Н. А. Хренов, именно в искусстве и через искусство оформляются контуры будущей культуры (Хренов 2024).

Ученый выявляет основные особенности русской культуры, прежде всего ее переходный характер, непрерывную длительность и экзистенциальную изменчивость, сцепление флангов и дуалистическое взаимопроникновение, радикализацию границ. Как замечает В. И. Ионесов в рецензии на монографию Н. А. Хренова, «неизбежным синдромом переходности являются воспроизводимые ею ситуации неопределенности, непредсказуемости и критической напряженности. Эти ситуации могут превращать малозначительные факторы в судьбоносную силу, поэтому даже локальное или эпизодическое смещение способно радикально преобразовать систему» (Ионесов 2024).

Начиная с 1990-х годов в работах Н. А. Хренова проводится мысль о характерном для транзитных периодов разрушении верхнего культурного слоя с последующим прорывом

более ранних пластов ментальности. Первые десятилетия XXI века определяются именно таким «всплыванием реликтов», если воспользоваться формулировкой С. Б. Переслегина. По словам В. Т. Ионесова, кризис деформирует и оголяет «телесность» культуры, обнажаются нижележащие отложения, выходящие на поверхность. «В образовавшиеся щели, швы, трещины и разломы пробиваются примордиальные антропогенетические компоненты, близкие первобытности. Всякий кризис так или иначе сопровождается декультурацией социума, следствием чего становится неизбежный откат к пограничным состояниям, далекому прошлому, даже нередко к догосударственным и примордиальным сущностям, к биологическому субстрату человеческой натуры... Расшатывание такой взаимной конфликтной сопротивляемости всякий раз приводит к нагнетанию одного из флангов, что оборачивается институциональной деструкцией и подрывает основы жизнеспособности культуры» (Ионесов 2024).

Исследователи, опираясь на мировой опыт, в частности, стратегические документы англосаксонских стран, прежде всего датированные 2010–2020 годами, показывают, что понятия «ценность» и «культура» задают смысловой каркас современного геополитического дискурса. Сшибка мировоззрений и систем ценностей различных стран и цивилизаций нередко предшествует или идет в ногу с военно-политическими конфликтами и торгово-экономическими войнами. В определении А. В. Костиной и С. В. Сапожниковой, ценности — «это глубинные, сложившиеся веками и обусловленные особенностями исторического развития народа установки, которые имеют для него огромную значимость, находят отражение в языке, традициях и обычаях, становятся основой юридических установлений». Они обуславливают политический выбор людей, их представления о должном, образ будущего. Несмотря на то, что в 1960–1980-е годы работы советских философов в области аксиологии разворачивались параллельно с аналогичными разработками на Западе, закладывая фундамент разворачивающейся войны идеологий, в отличие от последних они оказались неустойчивыми властью и обществом, что можно рассматривать как одну из предпосылок поражения СССР в Холодной войне (Костина, Сапожникова 2025).

Основу любой культуры составляют традиционные ценности, которые, с одной стороны, видоизменяются под воздействием новой культурной матрицы, сменяющей уходящую в исто-

рию, а с другой — выступают в качестве стабилизирующего, консервативного начала, вставая на пути обезоруживающего влияния агрессивных ценностей, чуждых, неорганичных принимающей культуре. Исследователи рассматривают традиционную культуру как «систему воспроизводства тех образцов деятельности, социальных институтов и норм, которые прошли многократную апробацию в аналогичных социокультурных обстоятельствах, и узаконены самим фактом их существования в прошлом. То есть, в субстанциональном аспекте традиционная культура представляет те элементы социокультурного опыта, которые транслируются — то есть, передаются» (Костина, Сапожникова 2025).

В культуре все чаще видится «якорь», позволяющий избежать, по Э. Тоффлеру, шока от столкновения с будущим, «бастион сопротивления» на пути глобалистских трендов. Иначе говоря, культура выступает как фактор национальной безопасности, препятствуя «разрушению всех идейных и ценностных опор, всех символов, которые придают смысл существованию любого народа», именно поэтому против культуры ведутся информационные и когнитивные войны (Костина, Сапожникова 2025).

В настоящее время, как подчеркивают исследователи, российские ценности испытывают постоянный прессинг со стороны идеологической машины стран коллективного Запада, продолжающего последовательный курс на вестернизацию российской культуры. «Любая экспансия и слом системы начинается с информационного воздействия и давления на аксиосферу. И именно собственные ценности и смыслы, в первую очередь, продвигают в окружающий мир страны в процессе конфликтов и войн, стремясь к изменению завоеванных пространств в соответствии со своими аксиологическими установками». То есть идеологическая обработка, переформатирование культурной матрицы противника предшествуют и опосредуют непосредственное проецирование силы (Костина, Сапожникова 2025).

В последнее десятилетие эта стратегия получила название «аксиополитика» (в 2013 г. термин ввел социолог-эмигрант И. Н. Андрушкевич). По сути, слово «аксиополитика» синонимично определению А. Азимова «психоисторического оружия», которое в последние десятилетия получило распространение в отечественной социо- и культурофилософской литературе (Костина, Сапожникова 2025). Основным направлением противостояния Советскому Союзу (ныне — Российской Федерации) является геокультурный аспект, который по объективным

причинам не получил должного внимания в рамках марксистской теории с её непреложной дихотомией базиса и надстройки. Не исключено, что данный подход сохраняется и в современной российской научной парадигме в силу инерции.

Тогда как англосаксонские фабрики мысли, начиная с 1960-х годов активно применяли и, надо думать, применяют психоисторические техники, в частности, с целью разрушения отечественного идеологического поля, при этом они эволюционировали от работы с бинарными к тернарным противоречиям (Сергей Переслегин... 2021).

В ситуации нарастающего кризиса культуры подвергаются критике бытовавшие с 1990-х годов ложные смыслы, или антисмыслы и антиценности, которые подчинили отечественную культуру, общество и государство. Сегодня очевидной становится необходимость расчистки социокультурного поля от накопившейся лжи и строительства на ее месте нового патристического мировоззрения. Как настаивает А. Г. Дугин, перед страной стоит задача деколонизации сознания (Это даст нам шанс... 2024).

Исследователи указывают на агрессивный характер идеологии либерализма, начиная с 1990-х годов оккупировавшей российское культурное пространство. Либерализм позиционируется как операционная система современности, рукотворная, навязанная и манипулятивная структура, в действительности, откровенно тоталитарная. «То есть либерализм — это своего рода махинация, симулякр, иллюзия» (Мелентьева 2023b).

Исследуются механизмы разрушения ценностного базиса России в эпоху перестройки и в 1990-е годы: специфика российской культурной матрицы отождествлялась с отсталостью, а расхождение с западными ценностями подлежало волевой корректировке. При этом, согласно Стратегии национальной безопасности США, американские ценности позиционировались как универсальные, общечеловеческие. «Подобное восприятие ценностей соответствует позициям позитивистского подхода, где ценности могут восприниматься как потребности. А потребности у человека как биологического существа фактически универсальны, и их отличия определяются только интересами человека» (Костина, Сапожникова, 2025).

Исследователи приводят подборку высказываний лидеров мнений конца 1980-х — начала 2000-х, в достоверность которых из нашего далека трудно поверить из-за отсутствия конкретных ссылок. Так, в издании «Советский

простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х» (под редакцией Ю. А. Левады, 1993) конструируется образ «простого советского человека» как обладающего «негативной идентичностью», конформного, ленивого и не способного к планомерному движению к цели, но завистливого к успехам других. Для И. М. Клямкина установка «каждый за всех» является формулой перманентной войны, которая используется для организации мирной жизни в «осажденной крепости». Сегодня чудовищным выглядит знак равенства между справедливостью и «уравнильностью вследствие бедности», нестяжательством и подрывом «стимулов к труду и бережливости, предприимчивости», самопожертвованием и «покорностью власти, холопством» (Е. Г. Ясин) (Костина, Сапожникова 2025).

Умопомрачение на какое-то время захватило даже лучшие умы. Так, Ю. М. Лотман полагал, что социокультурный слом конца 1980-х годов может привести к перекодировке российской культуры (от бинарности к искомой тернарности, свойственной западноевропейскому культурному типу исторического процесса). Аналогично А. С. Ахиезер в рамках концепции инверсии-медиации возлагал надежды на актуализацию последней слабо выраженной в русской культуре «смыслопорождающей середины» (А. П. Давыдов) (Памяти Александра Самойловича Ахиезера... 2025). Но оба ученых (Лотман в начале 1990-х, Ахиезер чуть позднее) отошли от утопических упований эпохи перестройки. Так, в последней своей книге «Культура и взрыв» Ю. М. Лотман констатирует: «Процесс, свидетелями которого мы являемся, можно описать как переключение с бинарной системы на тернарную. Однако нельзя не отметить своеобразие момента: сам переход мыслится в традиционных категориях бинаризма» (Лотман 2001). Сегодня становится очевидным, что бинарность, равно как и инверсионное развитие являются историко-культурными доминантами, можно сказать, константами русской социокультурной системы, подобно ускорению свободного падения или числу Авогадро в сфере естественнонаучного знания.

Неолиберальная элита расписалась в своей несостоятельности в имплементации социальных проектов, в свое время подкупив человечество утопическими картинами постиндустриализма. «Постмодерн стал орудием в руках западных элит в подведении человечества к бездне энтропии и финального уничтожения человека. Перед лицом этой угрозы, осознавая эсхатологический характер современной Битвы

умов (Ноомахии) в планетарном масштабе и имея ключи к ее парадигмам, традиционалисты призваны объединить свои усилия в битве за человечество, за жизнь и достоинство Человека» (Мелентьева 2023а).

А. Г. Дугин с опорой на исторический материал прослеживает истоки формирования «трех-членки»: дикость — варварство — цивилизация, включая ее практические приложения (от закабаления Западом других народов до искусственного раздувания конфликтов и войн). Он обосновывает необходимость радикального разрыва с Западом, что предполагает отказ от последовательно и навязчиво внедряемых им, начиная с Нового времени основных принципов и постулатов: от индивидуализма и материализма до экономизма и культуры гедонизма и распада. Философ подчеркивает, что эти принципы не имеют точек соприкосновения ни с одной из больших культур (Дугин 2023).

Перебрасывая мост к сегодняшнему дню, А. Г. Дугин рассматривает СВО как начало эсхатологической битвы между Традицией, с одной стороны, и современной либеральной идеологией и глобалистской политикой, с другой. «Именно поэтому все чаще мы говорим об Армагеддоне, последней решающей битве между армиями Бога и сатаны», — заключает ученый, ссылаясь на известные слова президента России (Директива... 2023).

Если конкретизировать «свидетельства обвинения»: объектами пристрастного анализа становятся получившие широкое распространение на рубеже XX–XXI веков концепции технологической сингулярности (В. Виндж, Р. Курцвейл и др.), трансгуманизма и иммортализма (Н. Бостром, Д. Пирс и др.), а также имеющего глубокие исторические корни экуменизма как неолиберального движения в лоне церкви.

В самое последнее время в связи с приходом к власти в Соединенных Штатах интеллектуальной и политической технофаши, в определении Максима Калашникова, — от И. Маска и П. Тиля до А. Карпа и П. Лаки — набирает силу критика поднимающего голову американского техноимпериализма. Так, Калашников подробно разбирает вышедший в 2025 году манифест «эльфийского технофашизма» — книгу лидеров компании «Палантир Технолоджиз» А. Карпа и Н. Замиска «Технологическая республика: жесткая сила, мягкая вера и будущее Запада». Он показывает, что трамписты, беря на себя прогрессорскую функцию, выстраивают «технологическую республику» — демонтируют либерально-глобалистскую повестку, вокизм

и идеологию потребительства, выдвигают программу восстановления альянса науки, ВПК и государства, обеспечения очередного цивилизационного рывка, стратегического технологического превосходства Штатов, тем самым готовя американское военно-стратегическое доминирование в преддверии нового техномира и связанного с ним мирохозяйственного уклада (Калашников 2025).

Соответственно, дабы не остаться на обочине разворачивающегося процесса «пересдачи карт истории», России вслед за Америкой необходимо отказаться от политики искусственного торможения научно-технического прогресса, восходящей ко второй половине 1960-х и связанной, по А. И. Фурсову, с отказом от проектов, которые могли бы обеспечить прорыв Советского Союза в посткапитализм, а именно: общегосударственной автоматизированной системы (ОГАС) В. М. Глушкова, разработок по холодному термоядерному синтезу И. С. Филимоненко и инноваций в военно-технической области В. Н. Челомея. Речь идет, опять же следуя новейшему американскому опыту, об альянсе государства, науки, армии и спецслужб (В СССР... 2019).

Как бы то ни было в 2020-е годы в культуре России происходят решительные изменения — достаточно упомянуть о принятой в 2021 году Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который, ставя во главу угла приоритеты обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, обосновывает необходимость патриотического воспитания молодежи и распространения традиционных ценностей. Среди них — жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Наша страна позиционирует себя как носителя христианских ценностей в условиях противостояния с постхристианским Западом с его множющимися культурно-нравственными девиациями: от LGBTQ (в России признана экстремистской и террористической организацией) до BLM.

В последнее время разворачивается процесс реабилитации исторически сложившихся

в дореволюционной России и СССР моделей образования, которые целенаправленно тиражировались в постсоветскую эпоху. Г. Г. Малинецкий с цифрами в руках показывает катастрофические результаты многодесятилетней политики в образовательной области с ее демократизацией, открытостью, регионализацией, гуманизацией, вариативностью и т. п. Согласно данным международной организации PISA, анализирующей уровень образованности 15-летних школьников 80 стран, с 2010-х по 2020-е годы, россияне из третьего десятка перекочевали в четвертый, в первой же десятке оказываются страны, нацеленные на реализацию понятий «справедливость» и «научно-техническое развитие»: КНР, Южная Корея, Япония, Финляндия (Педсовет... 2024).

А. В. Савватеев, автор «Манифеста спасения массовой школы в России», положенного в основу доктрины движения «Родная школа», призывает признать школу государствообразующей структурой, проведя пересборку системы массового образования (Неученья тьма... 2025).

В 2022 году Россию исключили из международного образовательного соглашения, именуемого Болонской системой. Первоначальной реакцией на этот демарш явилось решение о сокращении обучения бакалавров и постепенный отказ от ЕГЭ. Если обратиться к результатам социологических исследований, то свыше 60 % российских граждан приветствуют отказ от двухступенчатой образовательной модели, с их точки зрения, не дающей систематических знаний. Что касается ЕГЭ, то законопроект о его отмене, внесенный в 2024 году в Госдуму, был отклонен. В ближайший год ситуация вряд ли изменится, несмотря на углубляющиеся кризисные явления в сфере российского образования.

Другая перезревшая проблема, имеющая прямое отношение к национальной безопасности страны, связана с потенциальными рисками наблюдаемого на протяжении более 60 лет демографического сжатия. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) оказывается ниже 1,4, при том, что простое воспроизводство населения предполагает 2,1–2,15. В настоящее время положение дел в демографической области таково: с марта 2025 года статистические данные перестали официально публиковаться Росстатом.

Разворачивается критика концепции демографического перехода, авторы которой придерживаются сугубо прогнозно-констатирующего, пассивного подхода, в отличие от плано-преобразующего, проектного. Актуальная демографическая политика, включая

завоз мигрантов как способ решения проблемы нехватки рабочих рук в ряде сфер экономики, в частности, организация Минстроем РФ так называемых узбекских поездов, вызвала решительное противодействие со стороны силовых структур.

В общественном сознании демографические и миграционные проблемы выходят на главные роли. Так, в докладе «Россия-2050. Образ будущего», который подготовлен по итогам Форума будущего под редакцией Константина Малофеева, организованного Институтом «Царьград» (июнь 2025 г.), тема демографии и миграции занимает лидирующее положение. В глазах авторов демографическая яма предстает одной из главных проблем, блокирующих развитие России.

В качестве альтернативы предлагается повышение СКР посредством увеличения материальной помощи молодым семьям, разрежения заселения крупнейших и крупных городов и ландшафтно-усадебной урбанизации, развития программ поддержки многодетности, в том числе предоставления земли под застройку и др.

В 2010-е годы Ю. В. Крупновым выдвинута концепция так называемого русского миллиарда. Автор исходит из того, что к концу XXI века европейская и латиноамериканская цивилизации будут насчитывать 1 млрд, китайская и индийская — 1,5–2 млрд, исламская превысит 2 млрд, а африканская — 3 млрд человек. При том, что, согласно официальным прогнозам, население России сократится до 100 млн человек, что вряд ли совместимо с жизнью в окружении миллиардных цивилизаций (Русский миллиард... 2018).

Производительная экономика на смену финансовализации

Прежде всего об общемировой рамке. Начиная с эпохи неолитической революции до второй половины XVIII века мировая экономика давала прирост 0,2–0,4 % в год. Только первая промышленная революция, затронувшая вслед за Великобританией остальные страны Запада, а за ним и Востока, позволила десятикратно увеличить годовой экономический рост, перейдя от асимптотического к экспоненциальному развитию. Этот рывок нашел отражение в экономике, политике, культуре. Такое положение дел сохранялось до рубежа XX–XXI веков. В формулировке А. И. Фурсова, «отсрочка в четверста лет окончена». Следствием является каскад дисфункций — нарастающее имущественное расслоение и сокращение среднего класса, вынашивание ультраглобалистами неомальтузианских планов и переход к кастовому обществу,

ликвидация частной собственности и построение Digital Public Infrastructure как проекция концепции инклюзивного капитализма (Фурсов 2023).

Переход от финансового капитализма к посткапиталистической стадии развития не может не изменить сложившуюся социальную конфигурацию — эксисты вытесняют финансистов, цифровые технологии и социальные платформы угрожают стать могильщиками банковского капитала (Делягин 2025). Закат империи доллара, провозглашенный еще в середине 2000-х А. Б. Кобяковым и М. Л. Хазиным, может стать свершившимся фактом. Экономисты не только прогнозируют надвигающийся крах на фондовой бирже, но и предполагают, что второе пришествие Д. Трампа связано с осознанием наднациональными структурами согласования и управления неминуемости финансово-экономического коллапса, распада рынков, разрушения системы мирового хозяйства. А. Б. Кобяков и М. Калашников не исключают, что было принято судьбоносное решение, развязав торговую войну, «подтолкнуть падающего», спровоцировать мегакризис, броситься в эту экономическую пучину первыми, чтобы первыми же выскочить из омута, реиндустриализовавшись и оставив барахтаться, да еще и топя всех остальных. В принципе возможен и контрвариант — гражданская война в США, инициированная покидающими историческую сцену леволиберальными кругами. В обоих случаях наиболее незавидна участь стран деиндустриализованных, являющихся топливно-сырьевым придатком развитого мира — цены на углеводороды в схлопывающейся мировой экономике упадут до возможного минимума («Тайная доктрина»... 2025).

С начала 1990-х годов российская экономика следует букве Вашингтонского консенсуса, разработанному в 1980-е гг. своду правил для стран периферийного капитализма, имеющему целью обеспечение их стратегического неразвития, в случае с Россией — исполнения роли топливно-сырьевого придатка развитых стран, ликвидации либо минимизации объема физической экономики.

Начиная с 2010-х годов активизируется критика неокOLONиальной экономической модели — равно как и системообразующих основ капитализма и, в частности, капитализма финансового: от ссудного процента до финансирования экономики и угнетения реального сектора. Так, В. Ю. Катасонов убежден, что ссудный процент неизбежно приводит к кризису — в экономике, политике, социальных

отношениях, духовной жизни (Катасонов 2023). Недоступность кредита как следствие хронически завышенной ключевой ставки Центробанка оказывает разрушающее действие на экономику, приводит к сжатию производства, росту банкротств прежде всего обрабатывающих предприятий.

Среди других экономических бед России специалисты называют: открытость экономики, снятие ограничений для трансграничного движения капитала, отток капитала, в том числе осуществляемый самим ЦБ, офшоризацию и долларизацию экономики, плавающий курс рубля, проведение жесткой монетарной политики: от сжатия денежной массы до таргетирования инфляции. Один из наиболее принципиальных критиков проводимого экономического курса, известный промышленник В. Н. Боглаев подробно разбирает так называемую ловушку Э. С. Набиуллиной, которая возникла в последние полтора-два года и заключается в невозможности изменения курса рубля, минуя негативные последствия для экономики. Возникает вилка: либо ослабление рубля и рост цен на импортные товары, доля которых составляет до 70 %, соответственно раскручивание маховика инфляции, приводящей к закрытию предприятий, либо сохранение текущего курса — на выходе неисполнение бюджета, нарушение социальных обязательств и вытеснение дешевым импортом товаров отечественных производителей. «Бескровного выхода нет», — вынужден констатировать В. Н. Боглаев (Боглаев... 2025). Анализируя взаимоотношения между тремя сферами: природной рентой, производством и сегментом услуг, Боглаев приходит к выводу, что в нашей стране в условиях схлопывающейся обрабатывающей промышленности и развития топливно-сырьевой отрасли сервисная экономика, по сути, является раковой опухолью на теле страны.

С. Ю. Глазьев связывает перспективу изменения существующей экономической модели, обрекающей страну на темпы экономического роста ниже среднемировых, с происходящей одновременной сменой мирохозяйственного и технологического укладов. В настоящее время мир переживает транзит от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу с ядром в странах Юго-Восточной Азии, который характеризуется совмещением централизованного стратегического планирования с механизмами рыночной самоорганизации «Такие события... 2022).

Многие экономисты — В. Ю. Катасонов и М. Г. Делягин, А. Б. Кобяков и М. Л. Хазин,

С. О. Сухарев и Е. Н. Ведута — видят выход из создавшегося геоисторического тупика в комплексе мер: это и суверенизация Центробанка, и деофшоризация экономики, и введение государственной монополии на внешнюю торговлю, и изменение бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, и внутреннее ценообразование, и обращение к таким проверенным во многих странах, в том числе капиталистических, инструментам, как государственное планирование и межотраслевой баланс.

Разрабатываются и новые организационно-управленческие модели, например, солидаристская экономика с ее общинно-кооперативным началом, принадлежащая В. А. Лепехину. В конце 1990-х — 2010-х годах модель солидаристского капитализма сумел реализовать в отдельно взятом российском регионе губернатор Белгородской области, ныне сенатор, Е. С. Савченко.

В самое последнее время плановое начало получает государственную санкцию. Фонд «Кристалл роста» приступил к разработке цифровой системы стратегического планирования «ИИ-Госплан 2.0» с опорой на искусственный интеллект. Заказчиком выступает Совет безопасности РФ в рамках контракта с Администрацией Президента России во исполнение Указа Президента РФ «Об основах государственной политики в сфере стратегического планирования».

С развитием капиталистических отношений и формированием финансового и промышленного капитала разворачивается картина их постоянной борьбы за первенство. Последние десятилетия XX и первые XXI века характеризуются доминированием финансового капитала над промышленным, что стало особенно очевидным с победой неолиберализма в мировом масштабе в 1980–1990-е годы. При этом, как отмечает А. И. Фурсов, с активизацией военных конфликтов в первые десятилетия XXI века их соотношение стало заметно меняться, как следствие роста потребности в системах вооружений и расширения портфеля заказов военно-промышленного комплекса.

Подвергается критике деиндустриализация мировой экономики под прикрытием постулата об устойчивом развитии, экологических приоритетов и «зеленых» инноваций с подачи глобалистских структур — от Римского клуба до ВЭФ, восходящая ко второй половине 1960-х годов. По сути, идеологема экологической устойчивости явилась одним из инструментов в руках «восставших элит» (по К. Лэшу), направленных на сдерживание научно-технического и промышленного развития и отказ от завоеваний демократии. Что со всей очевид-

ностью было зафиксировано в докладе для Трехсторонней комиссии «Кризис демократии: управляемость демократических государств» (1975), подготовленном М. Крозье, С. П. Хантингтоном и Дз. Ватануки и имеющем целью «восстановление престижа и авторитета центральных государственных институтов» (Фурсов 2022).

Альтернативой этому инволюционному процессу, разворачивавшему вектор общемирового социального развития последних полутора-двух веков, предстает политика разумного протекционизма, которая не миновала ни одну из промышленно развитых стран: от Британии и СССР до США, Южной Кореи и Китая, как предпосылка и основание реиндустриализации российской экономики.

Когда практики постиндустриализма переводили промышленность из развитых стран в развивающиеся, дабы обезопасить высшие классы от присутствия «синих воротничков» и одновременно увеличить прибыли за счет более дешевой рабочей силы и низких эксплуатационных расходов, они были уверены в собственной непогрешимости — раз управление, наука и образование остаются в странах-метрополиях, будто бы все оказываются в выигрыше. Однако дальнейший ход событий показал, что это вовсе не так — в третьих странах рядом с перенесенными туда производствами возникают менеджмент, наука и образование, тогда как в метрополиях в отсутствие промышленного ядра они последовательно деградируют.

На Западе к осознанию данного скорбного факта пришли в первые десятилетия XXI века. В это время в России также появляются голоса, констатирующие неразрывность связи производства, науки и образования. Анализируются процессы искусственного торможения научно-технического прогресса и индустриального развития в мире и в СССР во второй половине 1960-х годов. Исключение делалось только для потребительско-развлекательной линейки товаров, а также технических средств наблюдения и контроля населения, столь значимых для общества потребления, постепенно превращающегося в общество надзорного капитализма, по Ш. Зубофф.

Объектами критики становятся «одноразовые» предметы и бизнес-схемы, предполагающие искусственное ограничение срока службы товаров: от электрических чайников до автомобилей, которые получили широкое распространение в 2000-е и последующие годы. Так, Г. Г. Малинецкий в качестве примера «обратного прогресса» приводит холодильники, последние

марки которых не только характеризуются ограниченным сроком службы, но и более низким КПД по сравнению с их аналогами середины XX века.

Сегодня, внимательно наблюдая за трампиистой Америкой, отечественные эксперты из патриотического лагеря не видят путей преодоления надвигающихся социально-экономической и политической катастроф, кроме как альянс государственной власти, новой науки о человеке, обществе, мире в целом и силового блока. А. И. Фурсов убежден, что XXI век, на который приходится переходный период от капитализма к новой социальной системе, станет полем битвы на предмет того, кто кого отсекает от будущего, и в этой перспективе победит тот, кто упадет последним, желательно на труп врага (Фурсов 2024).

Традиционалистский поворот в архитектуре России в 2010-е — середины 2020-х годов — начальный этап

Как изменения, происходящие в сфере культурного сознания общества, отражаются в материале архитектуры? Какие из ее разделов оказываются в лидерах, а кто запаздывает или вовсе воспроизводит нарративы, скрывшиеся за поворотом истории?

Прежде всего, следует отметить значительный интервал запаздывания архитектуры как следствие инерционности данного вида человеческой деятельности — первые симптомы смены западоцентричной архитектурной парадигмы обнаруживают себя только в 2010-е годы. И оказываются они в значительной мере «обратной» реакцией на активизацию неолиберальной повестки, спроецированной на сферу архитектуры, а также следуют логике внутривидовой эволюции.

Имеются в виду, прежде всего, связанные с возрождением тенденции:

- 1) интереса общественности и власти к сохранению объектов культурного наследия и реставрации;
- 2) дисциплин градостроительство и территориальное планирование, в частности, сегмента малых поселений;
- 3) национальных и региональных архитектурных традиций.

Охрана наследия и реставрация как ведущий тренд

Охрана памятников и реставрация всегда держались особняком внутри архитектурной

профессии. Это очевидно по целому ряду причин — от идеологических до сугубо профессиональных, связанных со спецификой предмета, образа деятельности, набора знаний, умений и навыков. И даже отпочковалась дисциплина «Охрана культурного наследия и реставрация» от древа архитектуры ранее других субдисциплин еще в середине XIX века. Правда, называлась она тогда «Художественная археология» и первоначально связана была с созданием сводов древностей, то есть, говоря современным языком, памятников.

С тех пор охрана наследия и реставрация прошла большой путь: от стилистической, «авторской», реставрации, когда архитектор-реставратор вслед за Э. Виолле ле Дюком пристраивал к телу древнего собора, возводившегося, как правило, на протяжении столетий, «не хватающие» с его точки зрения фрагменты или детали, до постулатов Венецианской хартии 1964 года с ее рекомендациями скорее консервационного, нежели реставрационного свойства — новые включения не должны подстраиваться, мимикрировать «под старину», реставратору следует минимально затрагивать тело памятника, новое должно существовать «на отnose», чтобы можно было эти новые включения в любой момент убрать, демонтировать без каких-либо последствий для тела объекта культурного наследия (ОКН). В рамках данной профессиональной матрицы подлинность, аутентичность материальной субстанции представляют собой главную ценность. Соответственно, воссоздание утраченных памятников — строительство так называемых «новоделов», равно как и произвольная, «авторская», реставрация не приветствуются, хотя напрямую и не запрещаются.

Обладают ли эти профессиональные рекомендации универсальностью? Дело в том, что формулировались они в первой половине XX века с опорой в основном на опыт работы с культурным наследием западноевропейских стран. Его отличают, во-первых, высокий уровень сохранности, а во-вторых, количество дошедших до нас памятников, представляющих практически все исторические эпохи, включая Античность.

По обоим этим показателям отечественное наследие определенно уступает европейскому опыту — историко-культурный слой у нас не в пример более тонкий и уязвимый по сравнению с западными странами в силу ряда объективных причин. Во-первых, в зимний период число циклов замораживания-оттаивания у нас на порядок больше. Во-вторых, российская история с ее постоянными набегами кочевников, война-

ми, бунтами и революциями гораздо более прерывиста, чревата пожарами и разрушениями. В-третьих, качество строительных материалов и собственно строительства, равно как профессиональные и человеческие качества подрядчиков, как правило, ниже. В-четвертых, по многим причинам — от более благоприятных природно-климатических условий до колониального ограбления других стран и народов — уровень богатства большинства стран Запада выше российского.

Все это обуславливает специфичность подходов к охране и реставрации объектов культурного наследия в нашей стране, принципиальную несводимость их к западным прописям и рецептуре. За исключением псковско-новгородской реставрационной школы у нас доминирует практика воссоздания утраченных памятников, а также их реставрация, в отличие от западной традиции трактуемая скорее не как консервация, а носящая более свободный характер. При подготовке проекта реставрации ОКН учитывается не только ценность материальной субстанции, его аутентичность, но и значимость памятника для национального самосознания, его градостроительная и средовая ценность, наличие сохранившихся «родственных» объектов культурного наследия — представителей того или иного исторического периода, архитектурной школы и др.

Эпоха постмодерна, породившая такие концепты, как пастиш и симулякр, придавала дополнительный импульс коллизии подлинник / новодел, столь актуальной для отечественного общекультурного и внутрипрофессионального дискурса.

Таким образом, значимость историко-культурного наследия для отечественного общественного сознания исключительно высока. На изломах истории, вслед за гимном, флагом, фигурами национальных героев, архитектурные памятники берут на себя роль общекультурных символов, концентрирующих национальные смыслы, формирующих чувство гордости, призванных сплотить народ, укрепить моральный дух.

На 2010-е годы приходится растянутый во времени процесс осознания надвигающегося перерыва постепенности, грядущего исторического слома. Носители неолиберальной культурной матрицы, очевидно, предчувствуя крах господствовавшего с 1990-х западнического мировоззрения, по сути, механически, не задумываясь о разнице условий, прежде всего градостроительных, перенесли из актуальной мировой практики и фетишизировали одно из направ-

лений профессиональной деятельности — благоустройство общественных пространств, по факту поставив его на службу политическим интересам.

На Западе, а вслед за ним и на Востоке имплементации тенденции средоустройства предшествовала программа многолетней структурной реорганизации планировочной структуры городских центров от модернизации транспортной и инженерной инфраструктуры до развития типологии социального жилья. Нашу же страну эти процессы обошли стороной. В конце 1970-х — начале 1980-х годов подготовка к Олимпиаде-80 и ввод войск в Афганистан, в 1990-е распад Советского Союза и последующий экономический коллапс поставили крест на модернизации и структурной трансформации советских и российских городов. Можно сказать, что мы вынужденно пропустили важнейший эволюционный этап.

Тренд благоустройства получил санкцию со стороны российской власти, прежде всего, в начале 2010-х годов в Москве, затем в Московской области, наконец, во второй половине 2010-х на федеральном уровне. Сложился искусственно поддерживаемый миф, что не появление новых рабочих мест и объектов транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры, а развитие благоустроенной городской (сельской) среды, косметическая составляющая способны остановить бегство селян и жителей малых городов в крупные центры.

Параллельно развивались процессы, связанные с повторной вестернизацией профессиональной сферы, от распоряжения Правительства о применении «типовых западных проектов» (впоследствии сошло на нет) и попытки использования в метростроительстве мадридской двухпутной модели до инвазии зарубежных архитекторов, в том числе ничем не выдающихся, средней руки и ниже, в ущерб занятости российских специалистов, и распространения высших учебно-образовательных учреждений, следующих в фарватере или прямо аффилированных с западными институтами.

Альтернативой этому мощному вестернизационному вектору стал самотождественнический тренд, ориентированный на отстаивание интересов российской архитектуры. Это и противостояние архитекторов, особенно в российских регионах с их дефицитом заказов по сравнению со столицами неравноправной, недобросовестной конкуренции со стороны западных специалистов в условиях отсутствия элементарных защитных механизмов отечественного рынка проектных услуг, и слаженное противодействие

профессиональных институций протоколу о приоритетности типовых западных проектов, и нарастание внимания к охране объектов культурного наследия и реставрации.

Собственно, этот последний тренд, очевидно, оказался наиболее заметным и значимым. В первой половине 2010-х годов происходит ряд организационных подвижек, свидетельствующих об изменении культурного статуса профессии реставратора, оказавшейся на задворках общественного и властного внимания в 1990–2000-е годы и сумевшей сохраниться и пережить эти тяжелые времена.

В 2014 году был основан Союз реставраторов России, в настоящее время охватывающий 50 регионов страны. В 2013 году появилось звание «Почетный реставратор города Москвы», в 2012-м Московским правительством учрежден ежегодный конкурс «Московская реставрация». С 2018 года Союз архитекторов России проводит всероссийский конкурс «Архитектурное наследие». Лауреатами этих смотров-конкурсов становятся самые разные с типологической и стилистической точки зрения объекты реставрации: от храмов до особняков и доходных домов и от барокко до конструктивизма и сталинской архитектуры.

Следует заметить, что до 2010-х в России отсутствовал опыт реставрации и приспособления зданий советского конструктивизма, которые требуют нетрадиционного подхода в силу ряда обстоятельств: от специфичности пространственных решений и конструктивной основы до уязвимости материальной субстанции и особого качества архитектурных деталей. Первым опытом стала реставрация, реконструкция и приспособление дома-коммуны И. С. Николаева на улице Орджоникидзе в Москве, возведенного в 1928–1930 годах (2007–2017, архитекторы В. О. Кулиш, Н. И. Зайцева, научный руководитель А. П. Кудрявцев) (Кулиш 2014). Вынужденный уклон в сторону реконструкции — здание, пережившее пожар, приспособлено под общежитие студентов МИСиС — вызвал противоречивые отклики и оценки.

Однако этот первый опыт открыл дорогу последующим реставрациям объектов советского авангарда. Одним из бесспорных достижений стала реставрация и приспособление здания Наркомфина на Новинском бульваре в Москве, построенного в 1928–1930 годах М. Я. Гинзбургом, И. Ф. Милинисом и инженером С. А. Прохоровым (2016–2020, бюро А. В. Гинзбурга). Наряду с восстановлением объемно-пространственного решения здания, в частности, выско-

буждением застроенного в 1960-е годы пространства первого этажа, разработана методика работы с плотью здания, включая изготовление реплик отдельных элементов в соответствии с исторической технологией, их визуальное дистанцирование от подлинной субстанции, а также интеграцию новых технологических систем, от лифтов до стеклопакетов и «умного дома», выполненных в подчеркнуто нейтральной стилистике и, по мысли реставраторов, развивающих инновационные решения 1920-х (Гинзбург 2014). Борьба за сохранение подлинности и духа времени, в определении А. В. Гинзбурга, была достойно оценена — реставрация дома Наркомфина удостоена множества наград, включая премию конкурса «Московская реставрация» и Гран-при «Архитектурного наследия».

В последнее десятилетие все более значимые финансовые средства направляются на реставрацию, реконструкцию и приспособление объектов культурного наследия. В 2025 году президентом России анонсирована программа реставрации более тысячи памятников к 2030 году, которая предусматривает их приспособление к различным функциям, от музейной до образовательной и гостиничной. В Москве за последнее десятилетие отреставрировано порядка 2500 зданий, в результате чего по официальным данным доля аварийных памятников составляет 3,1 % — ниже, чем в Лондоне с его 4 % и в Париже с 7 %. В частности, в прошлом году отреставрировано 157 объектов культурного наследия.

Достоверным свидетельством роста престижности охраны наследия и реставрации является переток архитекторов в смежную область — тенденция, диаметрально противоположная тренду 1990–2000-х годов, когда профессия реставратора оказалась не у дел, особенно в провинции.

Возрождение градостроительства и территориального планирования — к малым городам и сельским поселениям

Дисциплины градостроительство и территориальное планирование, равно как и охрана культурного наследия и реставрация, в 1990–2000-е годы выпали из профессионального обихода. С конца 1980-х — начала 1990-х годов финансовые средства перетекали из кармана государства в карманы частных собственников, которым не было дела ни до российских городов, ни до памятников архитектуры. Разворот тренда — возрождение градостроительства — относится к концу 2000-х — началу 2010-х годов.

Первой в этой дисциплинарной цепочке была ландшафтная архитектура, или благоустройство

общественных пространств — можно сказать, первый масштабный уровень градостроительства. Признаки возрождения ландшафтной архитектуры относятся к середине — второй половине 2000-х — отправной точкой послужили молодежные архитектурные фестивали на пленере, целью которых было обустройство среды посредством организации различных пространственно-пластических мизансцен, от качелей и скамеек до павильонов и арт-объектов. Первыми в этом ряду были фестивали «Архстояние» в деревне Никола-Ленивец и каждый раз менявшие свою локацию «Города», возникшие в 2004 году, после чего их опыт был масштабирован на всю страну от Иркутска и Казани до Нижнего Новгорода и Самары.

Вслед за ландшафтной архитектурой наступил черед следующего по масштабу в этой последовательности «ландшафтная архитектура — градостроительство — территориальное планирование — расселение» градостроительства, за ним — территориального планирования, которое имеет дело уже не с одним, а с несколькими населенными пунктами и связями между ними (имеются в виду транспортная, социокультурная, инженерная инфраструктура).

Эта тенденция, связанная с осознанием значимости пространственного планирования для развития страны, находит отражение в утвержденном в 2014 году Федеральном законе № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и принятых в середине 2010-х схемах территориального планирования (СТП) транспорта, трубопроводного транспорта, объектов здравоохранения и высшего образования, национальной безопасности.

К 2010-м годам относится появление интереса — как со стороны местных властей, так и предпринимателей, и общественности — к возрождению малых городов и сельских поселений, пусть он и носит избирательный — дисперсный — характер. Тем не менее, к настоящему времени насчитывается несколько десятков примеров таких возрожденных и возрождаемых малых городов, сел и деревень. Нельзя сказать, что существуют какие-то общие закономерности, новая жизнь связана каждый раз с особыми обстоятельствами: в одном случае это близость обители и энтузиазм батюшки (с. Губино близ Оптиной пустыни), в других — неумность отдельного предпринимателя, обуреваемого перспективой наживы, либо чаще патриотической, мемориальной, демографической сверхидеей (Доброград, Киржач, с. Вятское, д. Ловчиково, на очереди Менделеевград), посткиношный эффект (с. Териберка), сувенирная установка,

исходящая от местных властей или общественности (Суздаль, Плес), артистические устремления, направленные на создание арт-общин или арт-городков (куст деревень Ошевенск, Знатная сторона под Плесом). Есть города айтишников (Иннополис) и рекреационно-туристические дестинации (проект «Белая Дюна»).

В качестве примера приведем организацию арт-общины в Ошевенске на Каргополье, инициированной профессором Московского архитектурного института (МАРХИ), основателем Мастерской ТАФ А. П. Ермолаевым. Все началось с поездок студентов А. П. Ермолаева на практику в Каргополь с заездом в Ошевенск в середине — конце 1980-х годов, курсовых и дипломных проектов на тему развития Каргопольской земли и Ошевенского куста деревень; затем, в начале — середине 1990-х выставок в церквях Введенской, Троицкой, Иоанна Предтечи по заказу Каргопольского музея, расчистки территории заброшенного в то время Александро-Ошевенского монастыря и установки поддерживающих подпорок, сооружения автобусной остановки, и наконец в 1995 году приобретения первого жилого дома за 2 млн руб. (тогда эквивалент \$1 тыс.). «Это практически ненужное приобретение положило начало нашему укоренению в Ошевенске и приобретению опыта восстановления «дома для жизни», — пишут ТАФовцы (Северная лаборатория... 2025). За ним последовали приобретение, последующая реконструкция и приспособление под жилье, музей, мастерские еще десяти и строительство нескольких домов, в том числе Летней школы ТАФ, не считая арт-объектов, бань, помостов, артистических, спортивных и рекреационных площадок и туалетов.

В результате напротив Александро-Ошевенского монастыря, ныне действующего, через реку Чурьегу, по обе стороны от дороги, связывающей монастырь и деревни Низ, Ширяха, Погост, Выползово, образовалось компактное арт-поселение, точка сборки ТАФовцев, близких им архитекторов, художников и студентов кафедры Дизайна архитектурной среды МАРХИ. По сути, сформировалась и развивается новая модель гармоничного мироустройства, подразумевающего неразрывность повседневной жизни и работы, учебы и отдыха. Помимо прочего, удалось сохранить одну из частей поселения, к 2000-м находилась в состоянии упадка. (рис. 2, 3).

«Длительная работа в Ошевенске над пристройками, перестройками, реконструкциями, новыми объектами привела нас к пониманию глубины „простого делания“, ценности работы,

Рис. 2. Арт-община в Ошевенске на Каргополье. Середина 1990-х — по настоящее время. Вид сверху. Арт-городок на переднем плане, на противоположной стороне реки Чурьегы, за мостом — действующий Александр-Ошевенский монастырь

Fig. 2. Art community in Oshevensk, Kargopolye. Mid-1990s–present. Aerial view. Art town in the foreground; on the other side of the Churyega River, beyond the bridge, is the active Alexander Oshevsky Monastery

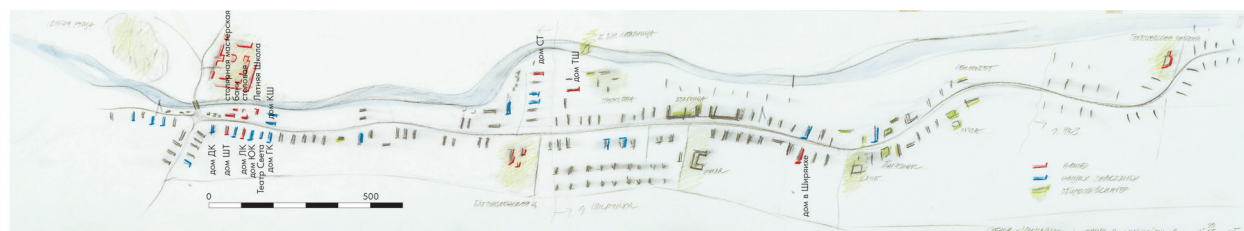

Рис. 3. Арт-община в структуре куста деревень Ошевенск. Схема ситуационного плана

Fig. 3. Art community within the Oshevensk cluster of villages. Site plan

свободной от нарочитого устремления удивить, украсить, делать что-то сверх необходимого, сохраняя таким образом, то, что принято называть вернакулярной архитектурой» (Северная лаборатория... 2025), — из творческих принципов ТАФовцев, рифмующихся с бартовским концептом «смерть автора» и одновременно приоткрывающих новую страницу в истории российской архитектуры, переступающей через скрывшуюся в тумане эпоху 1990–2010-х годов.

Выше перечислены самые разные сценарии возрождения малых поселений, в большинстве своем уже реализованные. Несмотря на наличие обнадеживающих примеров, они не способны

кардинально изменить ситуацию в требуемом масштабе. Для чего требуются прежде всего социальный запрос, общегосударственная санкция и солидный экономический ресурс.

В действительности, реальным механизмом обретения новой жизни сотнями и тысячами поселений, заброшенных и влачащих жалкое существование, могла бы стать реиндустриализация, предполагающая отказ от гиперконцентрации населения в крупнейших и крупных центрах и возрождение расселенческой сети, а именно, наложение карты заброшенных поселений и существующих, возрождаемых или новых производств: от ОПК и газоперерабатывающих кластеров до агропроизводств

и деревообработки. С этой целью необходимо принять специальные госпрограммы, узаконить зависимость ключевых показателей эффективности (КПИ) губернаторов от возрождения промышленности и, соответственно, содействия более равномерному расселению, обеспечить поощрение предпринимателей-промышленников, льготное налогообложение и пр.

Уже есть первые проектные предложения, направленные на возрождение малых городов и сельских подсистем расселения посредством реиндустриализации. В качестве таких точек роста, драйверов возрождения могут служить

газоперерабатывающие кластеры близ компрессорных станций на магистральных трубопроводах. В частности, разработаны концепции развития кластеров по производству аммиака и азотных удобрений из природного газа при КС «Грязовецкая» в Вологодской области (2024, авторы Д. Е. Фесенко, С. Н. Рыбаков, Н. Ю. Мельничук) (рис. 5, 6) и КС «Торжокская» в Тверской области (2025, авторы Г. Г. Малинецкий, Д. Е. Фесенко, В. А. Полторакова).

Последнее из этих проектных предложений, предназначенное для Торжка, кратко представлено ниже (Деградирующее... 2025) (рис. 4).

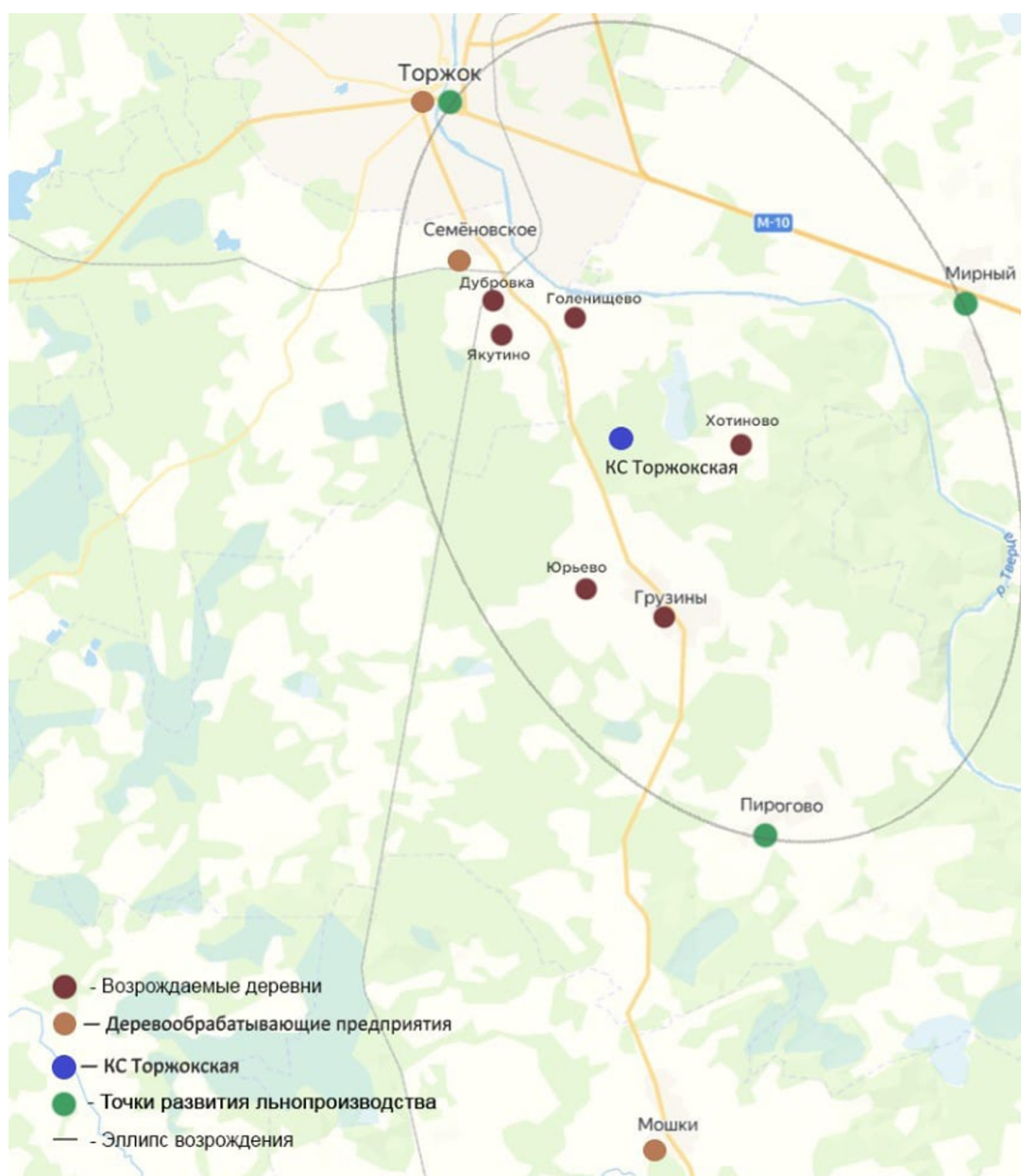

Рис. 4. Г. Г. Малинецкий, Д. Е. Фесенко, В. А. Полторакова. «Эллипс возрождения», генерируемый газоперерабатывающим кластером на основе КС «Торжокская». Предпроект. 2025

Fig. 4. G. G. Malinetsky, D. E. Fesenko, and V. A. Poltorakova. 'Renaissance Ellipse' generated by a gas processing cluster based on the Torzhok compressor station. Preliminary design. 2025

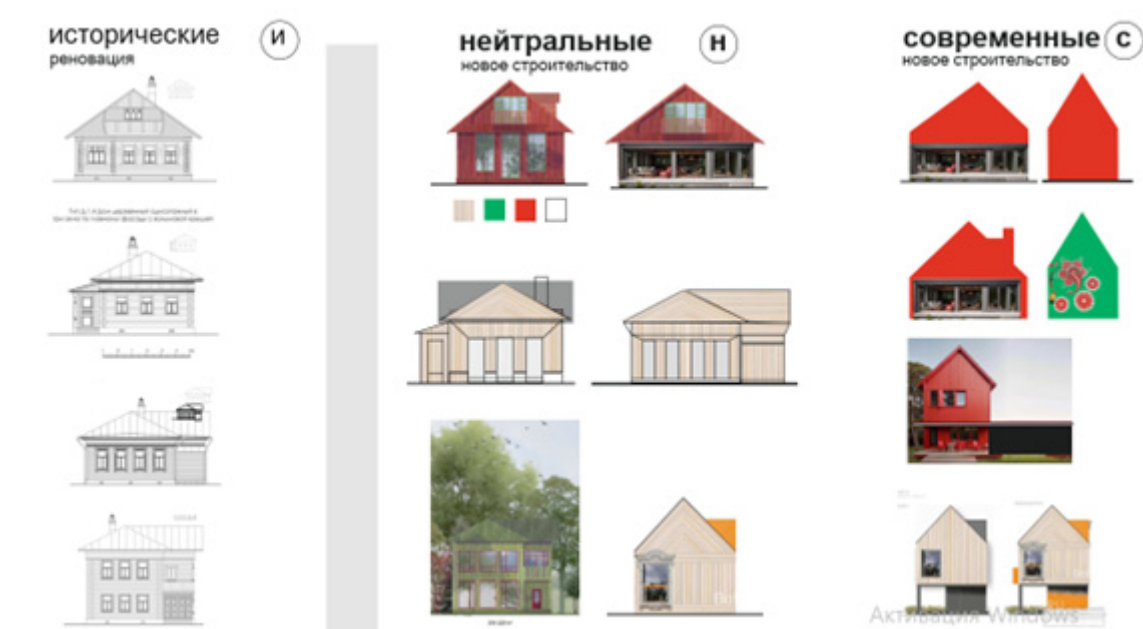

Рис. 5. Д. Е. Фесенко, С. Н. Рыбаков, Н. Ю. Мельничук; А. С. Кривов, В. М. Серов (финансово-экономическое обоснование). Студенты ВолГУ Е. Пантина, Д. Махина, А. Матвеева, Е. Лукичева. Концепция возрождения подсистемы сельского расселения на основе газоперерабатывающего кластера близ КС «Грязовецкая». 2024

Типология индивидуальных жилых домов — от реновации к новому строительству.
Исторические — нейтральные — современные.

Fig. 5. D. E. Fesenko, S. N. Rybakov, and N. Yu. Melnichuk; A. S. Krivov and V. M. Serov (financial and economic justification); VolSU students E. Pantina, D. Makhina, A. Matveeva, and E. Lukicheva. Concept for the revival of a rural settlement subsystem based on a gas processing cluster near the Gryazovetskaya compressor station. 2024

Typology of individual residential buildings: from renovation to new construction. Historical–neutral–modern.

Рис. 6. 3D-модель поселения

Fig. 6. 3D model of the settlement

В последние годы объемы транспортируемого газа в Европу резко сократились. Развитию газоперерабатывающих мощностей на территории России, что позволяет увеличить монетизацию газа в десятки раз, нет альтернативы. При этом РФ перерабатывает около 2 % природного газа, тогда как США — более 70 %. Согласно стратегии развития химической промышленности до 2030 года, предусматривается реализация 200 инвестпроектов на сумму более 1 трлн руб.

Перспектива переработки газа связана со строительством соответствующих мощностей в непосредственной близости от компрессорных станций, что предполагает ряд шагов, среди них — определение площадок для размещения производственных мощностей с учетом территориального ресурса их развития, близости к транспортным коридорам и пр., определение специализации газоперерабатывающего кластера в зависимости от химического состава транспортируемого газа и перспектив сбыта конечной продукции, определение состава приближенных к производству возрождаемых поселений, а также территорий для развития новых, так называемого «эллипса возрождения», выявление взаимоподдерживающих аграрно-промышленных специализаций, ТЭО программы развития кластера, предпроектные исследования и проектирование кластера, поселенческой сети и «подстраховывающих» производственных специализаций.

КС «Торжокская» имеет ряд преимуществ, в том числе, расположение в непосредственной близости от ВСМ и автомагистрали М11, в пределах северо-западного луча Тверской агломерации и опорного пункта Торжок; в окружении исторически сложившихся поселений — г. Торжок (40 тыс.) и порядка 10 деревень; вблизи деревообрабатывающих мощностей; имеется ряд «подстраховывающих» функций: льнопроизводство, туризм, рекреация.

В качестве аналога предприятия по газопереработке, в данном случае — производству азотных удобрений — может служить планировавшееся с конца 2010-х годов ПАО «Куйбышев-Азот» на территории Курска, но застопорившееся строительство завода по производству: аммиака — 200 тыс. т в год, карбамида — 800 тыс. т и карбамидно-аммиачной смеси — 365 тыс. т. Стоимость проекта «КурскАзот» составляла порядка 75 млрд руб.

Новое предприятие, если принять в качестве образца «КурскАзот», должно обеспечить 200–250 рабочих мест (без учета логистики, обслуживания и пр.). Появление 200–250 новых до-

мохозяйств потребует модернизации и нового строительства 30–35 тыс. м² жилья, не считая социальных объектов и накладных расходов, в реконструируемых и возрождаемых сельских населенных пунктах. Из расчета средней стоимости 1 м² в деревянном доме 50 тыс. руб. смета составит 1,5–2 млрд руб. — до 2 % от стоимости всего проекта.

Развитие газоперерабатывающих производств при КС позволяет не только внести существенную лепту в возрождение малых городов (Грязовец, Торжок), но и создать «эллипс возрождения», вызвав к жизни десятки прилегающих сел и деревень, восстановив и заново построив сотни жилых домов и объекты инфраструктуры, а также способствовать развитию местных производств — от деревообработки до агро- и льнопроизводства, что позволяет избежать монопрофильности.

Возрождение национальных и региональных архитектурных традиций — стилизаторство и стилизация

Начиная с середины 2010-х годов наблюдается прогрессирующий процесс обращения к национальным и региональным образцам архитектуры, в частности, появляются проекты и реализации в нео- и псевдорусском стиле. Вряд ли можно говорить о беспрецедентности данного феномена — он имел место и ранее, однако носил спорадический характер.

Следует заметить, что в орбиту влияния постмодернистской культуры Запада в 1990–2010-е годы попал весь спектр отечественных архитектурных течений и направлений. Не является исключением и нео- и псевдорусский стиль, соответственно, регионализм, пропущенный сквозь призму модернизма, и стилизаторская версия русского стиля. Они более или менее активно проявились во второй половине 2010-х.

В качестве примера можно привести: в первом случае — туристический комплекс «Кудыкина гора» в Липецкой области (2021) и проект «Нового русского города» (2018), принадлежащие бюро «Мегабудка», во втором — жилой комплекс «Русский дом» в Басковом переулке в Санкт-Петербурге (2015–2018, «Евгений Герасимов и партнеры»).

Авторы дома гостеприимства «Кудыкина гора» (архитекторы А. Баранов, А. Бурлакова, М. Вергинская, К. Губернаторов, Д. Листопад, А. Укропов, Е. Цыба), включающего вестибюль, кафе и ресторан, сувенирную лавку, аттестуют свое произведение как первое в мире здание,

построенное в новом русском стиле, который ими разработан на основании многолетних научных изысканий, позволивших вывести, со слов авторов, «определитель русскости дизайна» и свести воедино понятия авангарда и традиции (Центр гостеприимства 2021).

Данный подход выходит за пределы одного здания, охватывая различные уровни туристического комплекса, начиная от фирменного стиля и заканчивая парком, в основу которого положен кольцевой пешеходный маршрут со сменяющимися друг друга точками притяжения, обеспечивающими процесс поэтапного лицезрения и вчувствования в нетронутый ландшафт. Собственно центр гостеприимства отмечает стартовую точку маршрута, организуя перспективный вид на Крепость — главную достопримечательность парка.

Комплекс состоит из разновысоких скульптурных объемов-«теремов», объединенных стилобатом. С круговой террасы открываются роскошные виды на крепость, пруд и скульптуру Горыныча. Фасады обшиты черненой доской — по словам архитекторов, словно обветренной и выгоревшей на солнце, подобно бревнам срубов. Богатая пластика, от аркад и строчек треугольных оконных проемов до стен, плавно переходящих в кровли, пропущена сквозь метафизическое видение в духе Дж. де Кирико.

Интерьеры комплекса выполнены на контрасте — разновысотные внутренние пространства, которые могут работать в автономном режиме, по большей части напоены светом, доминирует высветленное дерево, активно используется орнаментика с опорой на богатство русского узорочья, впрочем, без перебора, характерного для XVII века. Особенно эффектно пространство кафе — пронизанный светом и воздухом протяженный неф, отсылающий скорее к типологии базилики — как планировочно, так и пространственно.

В отличие от «Кудыкиной горы» авторы жилого комплекса «Русский дом» (архитекторы Е. А. Герасимов (руководитель), С. Д. Меркушева (ГАП), А. Ю. Яковлева (руководитель архитектурной группы), Е. П. Апполонова, Е. Н. Будылина, С. И. Бурдонская, А. В. Сморгин, Е. А. Горюнова, О. С. Леушина) не склонны акцентировать его поисковость и экспериментальность. Очевидно, посыл здесь был иной, больше коммерческий, и, надо сказать, девелоперу — «АСР. Недвижимость — СЗ» — его задумка удалась. Если верить маркетологам, комплекс стал новой достопримечательностью Санкт-Петербурга, в отличие от большинства ново-

строек в историческом центре города жители ее «приняли». Впрочем, сами архитекторы апеллируют к качеству хэнд-мейд и человеческому теплу, а критики выстраивают сложносочиненные конструкции про синтез русофильства, эскапической романтики и новых гениев места.

В центре города застройщикам и архитекторам редко удается получить большие участки, позволяющие замахнуться на создание ансамбля. В данном случае авторы обращаются к типологии доходного дома конца XIX — начала XX века с курдонером и развитыми дисимметричными крыльями и замкнутыми прямоугольными дворами. Только масштаб совсем не дореволюционный — в разы больше.

Если же говорить об архитектуре, то она вырастает скорее из палат допетровского времени — с башенками, двускатными клиновидными кровлями и пузатыми колоннами. Фасады всех корпусов уснащены барельефами заводского изготовления, отрисованными графическим дизайнером «по мотивам». При этом архитекторы отмежевываются от возможных обвинений в киче, указывая на достигнутый баланс, а искусствоведы изыскивают «третью производную первоисточника» в лице древнерусских палат и теремной архитектуры.

«Благодаря обилию отсылок, которые считаются неосознанно, «чувствуются кожей», дом становится универсальным, емким, и даже в рамках, казалось бы, специфической темы вызывает разные ассоциации: с теремом, псковской церковью, романтическим замком, заставляет вспомнить сказки с иллюстрациями Ивана Билибина, град Китеж, школьные путешествия», — пишет критик на одном из архитектурных порталов (Кузнецова 2018).

Возвращаясь к дилемме стилизаторство / стилизация, псевдо- / нео-: если говорить о регионалистской версии — неорусском стиле, то истоки критического регионализма восходят к 1970–1980-м годам, он связан с именами К. Фремптона, А. Тзониса и др. и опирается на философские труды П. Рикера, в которых делается акцент на синтез традиции и современного взгляда на мир, что положено в основу построений К. Фремптона.

В то же время в дореволюционной России имела своя богатая традиция работы как в псевдорусском, так и неорусском стиле. Имелись свои безусловные лидеры: от А. М. Горностаева и Ропета (И. Н. Петрова) до А. В. Щусева и В. А. Покровского.

Регионализм противостоит постмодернизму, будучи при этом идеологически связанным с эпохой постмодерна. В потенциале как

неорусский, так и псевдорусский стили могли бы разорвать постмодернистские путы в пользу «автохтонного» развития — с опорой на традиционалистские ценности и богатые архитектурные традиции — допетровские, дореволюционные, послереволюционные и т. д.

Как нам представляется, в обозначенной перспективе одним из вероятных маяков могло бы служить построенное еще в 2000 году Мастерской-ТАФ здание Летней школы в Ошевенске, являющее собой плодотворный синтез народной архитектуры, «умного делания» и русского архитектурного авангарда 1920-х. Сами архитекторы видят в нем сплав «естественной работы с материалами, с формой, с пространством, базирующимися на ценностях традиционного народного формообразования, с духом времени нашей жизни» (Ермолаев 2001).

От центра гостеприимства «Кудыкина гора» и жилого комплекса «Русский дом» ТАФовскую школу отличают эскизность, ненадуманность, безыскусность, ненапыщенность, демократизм. Авторы «Кудыкиной горы» проговариваются: их комплекс таков, «как если бы его строил русский мужик», а Ошевенскую школу и взаправду строили ошевенцы Валерий Боголепов, Евгений Лапушкин и Алексей Пухов. Функцио-

нальное предназначение дома — место обучения будущих профессионалов средового дизайна, носителей творческого сознания, «взращенного на фундаментальных народных традициях, опираясь на которые во все времена работали те, кто занят материей — каменщик, плотник, кузнец, керамист, ткач, творили мастера XX века — Райт, Мис, Корбюзье, Мур, Гери, Соттсасс и другие, слишком многие, чтобы их называть» (Ермолаев 2001).

Здание Школы представляет собой сруб, рубленный в обло, с неуплощенными бревнами в интерьере и свободно выпущенными хвостами. Поставленный на гранитные валуны, благодаря отрыву от земли дом пропускает под собой внешние воды. Кособокость западной стены подсказана изгибом реки Чурьеге. Основа плана — единое двусветное, по слову авторов, связно-структурированное пространство мастерской с лестницей сбоку, ведущей на обширную антресоль, предназначенную для отдыха и сна. Горизонтальные окна — вразбежку по фасадам: их горизонтальные размеры проектные, вертикальные определялись «по месту» в связи с «топорной» технологией. Покрытие — кровельная доска в два слоя, срок жизни которой 25–30 лет (рис. 7–10).

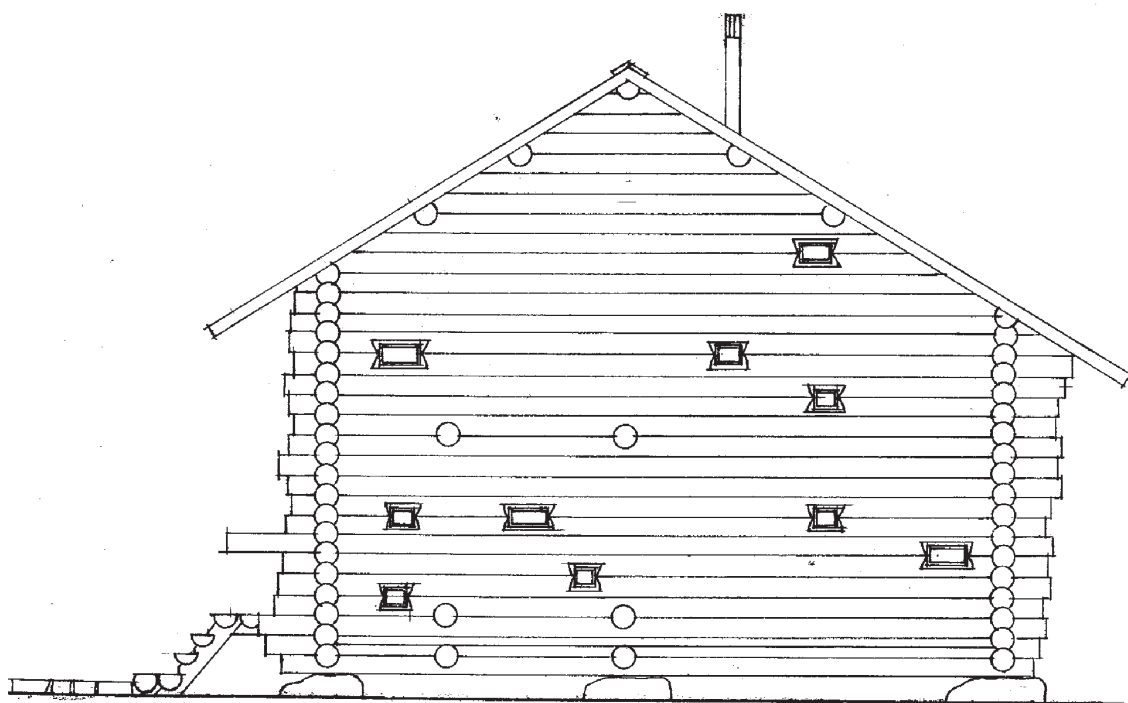

Рис. 7. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Фасад

Fig. 7. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Façade

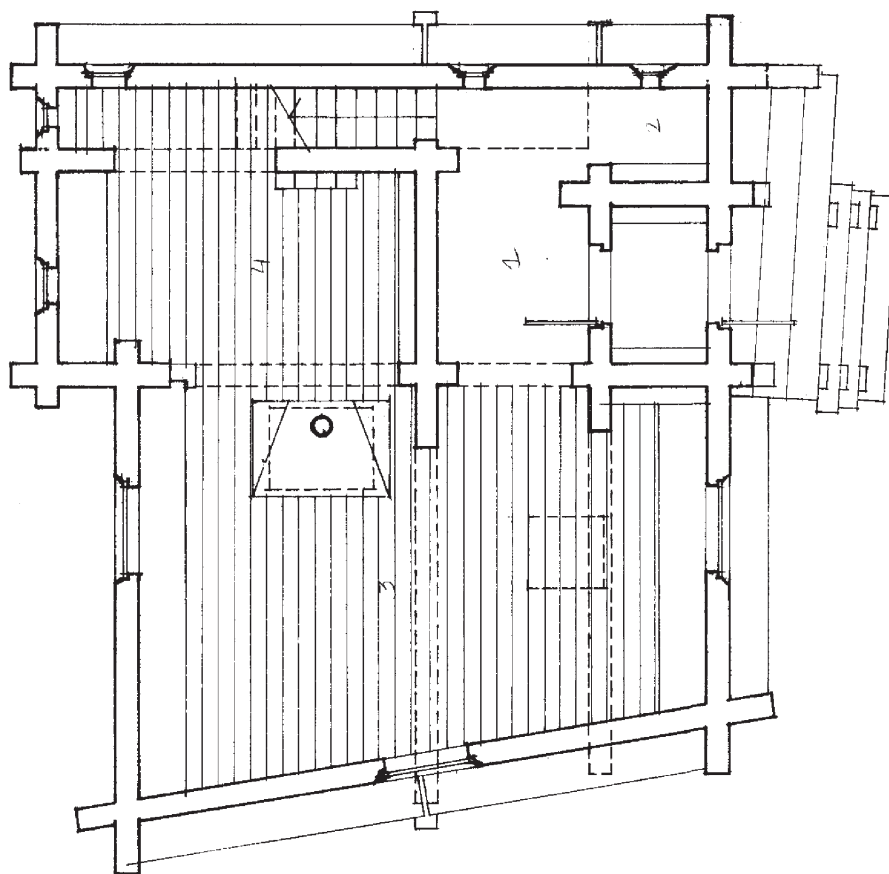

Рис. 8. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. План
Fig. 8. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Plan

Рис. 9. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Общий вид. Фото В. Чайка
Fig. 9. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. General view. Photo V. Chaika

Рис. 10. А. П. Ермолаев и Мастерская-ТАФ. Летняя школа в Ошевенске. 2000. Интерьер. Фото К. Шулика

Fig. 10. A. P. Yermolaev and TAF Workshop. Summer School in Oshevensk. 2000. Interior. Photo K. Shulika

По центру — открытый очаг с дымоходом, смонтированный и сваренный из деталей сельхозтехники с ближайшей свалки: дефлектора от комбайна «Колос», сеялки и цилиндра-веялки от комбайна «Нива-2М», задвижки от веялки УПМ-9, трубы оросительной системы ОСА-18, коробка воздуходувателя ВЭ-1200 и др. (рис. 11).

Предметно-вещевой комплекс в интерьере состоит из трех слоев: 1) системы досок, опирающихся на места стыка бревен — рабочие столы, стеллажи, лавки и пр.; 2) рациональной рабочей мебели типа «венская» или «трансформируемая»; 3) авторской мебели — результата соединения материалов разобранных построек и обработанных стволов ольхи и черемухи, растущих по берегам Чурьег (Ермолаев 2001).

После Летней школы ТАФовцы вошли во вкус — за последующие два десятилетия было построено, приобретено, реконструировано и приспособлено более дюжины домов, бань, хозпостроек и др.

В свете ослепительной, образно, пластически и технологически изощренной архитектуры столиц ошевенский опыт не может не вызывать снисходительной улыбки. И это по-человечески понятно и объяснимо — прежде всего многолетним присяганием архитектурной профессии эпохе постмодерна и связанному с нею неолибе-

ральному взгляду на мир. Тем более что именно архитектурный цех стал одним из бенефициаров геополитической катастрофы начала 1990-х годов, что зафиксировано в расхожей формуле: «миллионеры обслуживают миллиардеров». Отсюда — и нынешние реалии: строительство в Москве 250 высоток выше 100 м, реновация районов индустриального домостроения, мультипликация общественных пространств и др.

Справедливости ради следует отметить, что в последние десятилетия очевидно возрождение интереса к региональным и местным архитектурным традициям, в частности, в республиках, от Татарстана до Якутии и Северного Кавказа. В качестве примера можно привести интерьеры введенного в 2025 году Татарского государственного академического театра им. Г. Камала в Казани, где национальная тема — от литературных образов до орнаментики — и современный художественный язык сплавлены в единое целое.

В заключение укажем еще на один возможный поворот темы, связанной с проявлением качества самостождественности (самобытности) в современной российской архитектуре, — это православное зодчество, активно развивающееся с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Однако это особый сюжет, который заслуживает отдельного развернутого исследования.

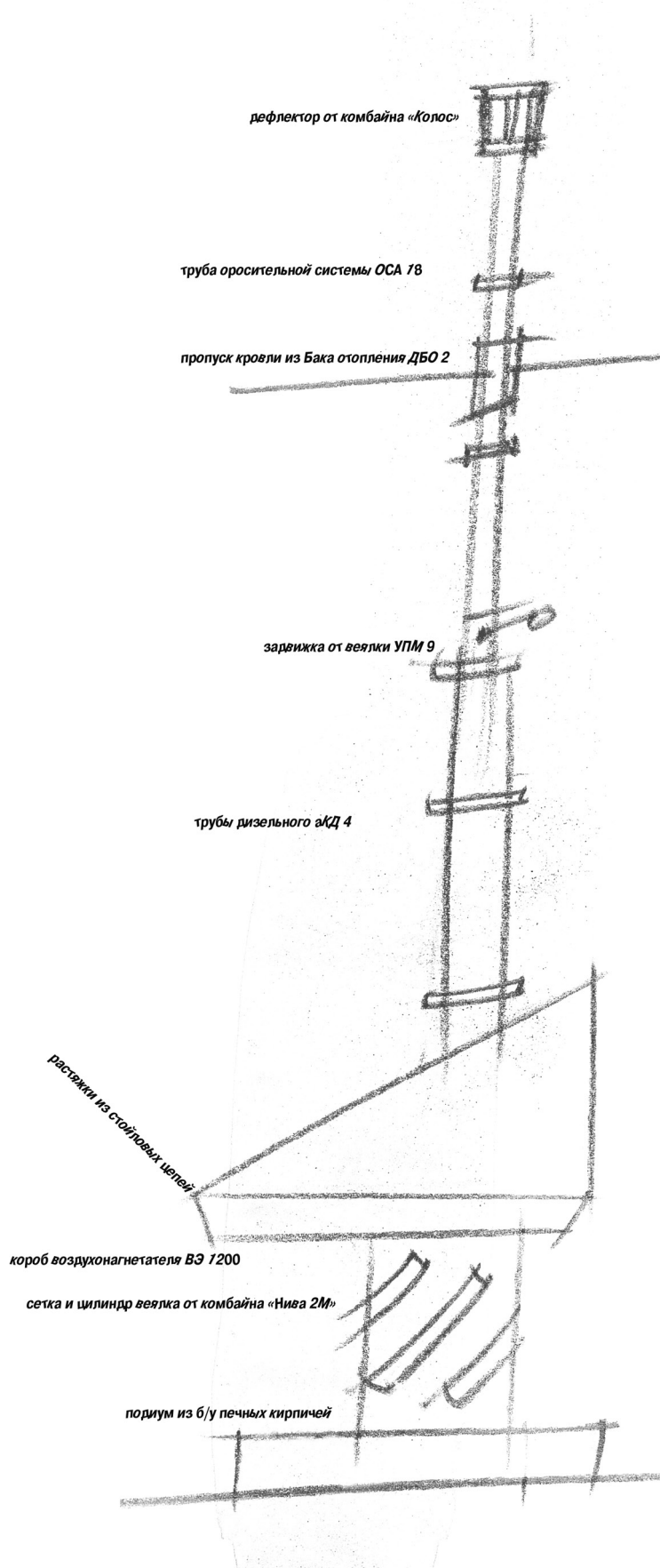

Рис. 11. Эскиз очага с раскладкой по составным элементам
Fig. 11. Sketch of the fireplace with the layout of its component parts

Выводы

1. Развитие самotoждественнического, или самобытного тренда в архитектуре России обусловлено общественным запросом, общегосударственной санкцией, наличием или отсутствием экономического ресурса.

2. В трудах отечественных ученых сформулированы теоретические положения, могущие служить основанием перехода от неолиберальной к посткапиталистической эпохе и, соответственно, являются предпосылкой развития самotoждественнического тренда в архитектуре.

3. Кризисные явления в мировой геополитике, отечественной культуре и экономике представляют собой серьезный исторический вызов, в том числе для российской архитектуры, предполагая с ее стороны адекватный ответ.

4. Начиная с 2010-х годов в рамках самotoждественнического тренда в архитектуре России получают развитие три основных феномена: охрана наследия и реставрация, возрождение малых и средних городов, сельских территорий

и развитие национальных и региональных архитектурных традиций.

5. Если охрана памятников и реставрация получила государственную поддержку, то два других направления — возрождение малых поселений и развитие национальных и региональных архитектурных традиций — нуждаются в дополнительном общественном и властном внимании.

6. В настоящее время подготовлен ряд пилотных проектов, в частности, в области реиндустриализации, способных придать импульс возрождению малых и средних городов, сельских поселений, а также развитию национальных и региональных традиций в архитектуре России.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Боглаев/Бобылев: *Аварийная посадка*. (2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/video/watch/687272fb27b84310adc19761> (дата обращения 05.09.2025).
- В СССР были предпосылки для построения коммунизма — историк. (2019) *Красная весна*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/afaf7b32> (дата обращения 05.09.2025).
- Великая перезагрузка: от либерального капитализма к рабовладению. (2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/X-BEFifOmCRavdOd> (дата обращения 05.09.2025).
- Гинзбург, А. В. (2014) Дом Наркомфина М. Гинзбурга: о рамочных условиях реставрации памятника. *Архитектурный Вестник*, № 1 (136), с. 64–69.
- Глобализация умерла. Осталось пережить последствия. В каком году начнётся новая Великая депрессия. (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZCXIAZsgdGEZqXqR> (дата обращения 20.09.2025).
- Деградирующее Нечерноземье — есть ли выход? (2025) *Архитектурный вестник*. [Электронный ресурс]. URL: <https://archvestnik.ru/2025/02/19/degradiruyushcheye-nechernozemye-yest-li-vykhod/> (дата обращения 05.09.2025).
- Деягин, М. Г. (2025) *От стабильности к модернизации*. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Z72QLTUIP2L947Bq> (дата обращения 05.09.2025).
- Директива Дугина: Последняя русская битва, шесть главных позиций. (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZHYJBfCA5TirvWcw> (дата обращения 20.09.2025).
- Дугин, А. (2023) Новый многополярный порядок. Гептархия и её смыслы. *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/24700> (дата обращения 20.09.2025).
- Ермолаев, А. П. (2001) Дом на Севере. *Архитектурный Вестник*, № 2, с. 18–22.
- Ионесов, В. И. (2024) Наука об искусстве в эпоху смены культурных парадигм: размышления о новой монографии Николая Андреевича Хренова. *Сфера культуры*, т. 5, № 2 (16), с. 135–143. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_16_135
- Калашников, М. (2025) «Технологическая республика». *Livejournal*. [Электронный ресурс]. URL: <https://m-kalashnikov.livejournal.com/4726658.html> (дата обращения 05.09.2025).
- Катасонов, В. Ю. (2023) *О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. «Денежная цивилизация» и современный кризис*. М.: Тион, 744 с.
- Костина, А. В., Сапожникова, В. С. (2025) *Традиция в цифровую эпоху: Ценности в сетевом обществе и «новый русский стиль»*. М.: Ленанд, 304 с.

- Кузнецова, А. (2018) *Новое воспоминание*. [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/russia/83905/russkii-dom> (дата обращения 05.09.2025).
- Кулиш, В. О. (2014) «Дом-коммуна» И. Николаева — условия сохранения памятника. *Архитектурный Вестник*, № 1, с. 58–63.
- Лотман, Ю. М. (2001) Культура и взрыв. В кн.: *Семь сфер. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки*. СПб.: Искусство-СПБ, с. 12–149.
- Мелентьева, Н. В. (2023b) Философские основания либерализма. Главный компонент парадигмы современности. *Завтра.ру*. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/filosofskie_osnovaniya_liberalizma (дата обращения 20.09.2025).
- Мелентьева, Н. В. (2023a) Последняя битва парадигм: русский традиционализм против мирового либерализма. *Katehon*. [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/poslednyaya-bitva-paradigm-russkiy-tradicionizm-protiv-mirovogo-liberalizma> (дата обращения 20.09.2025).
- Неученья тьма. Математик Савватеев предложил «пересобрать» российскую школу. (2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aKzRPq2WuAfbdlk> (дата обращения 05.09.2025).
- Новый стандарт войны. Анализ доклада RAND Corporation «Dispersed, Disguised and Degradable». (2025) *AfterShock*. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/1513591&full> (дата обращения 05.09.2025).
- Памяти Александра Самойловича Ахиезера (1929–2007). (2007) *Демоскоп Weekly*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305/nauka01.php> (дата обращения 20.09.2025).
- Педсовет. Сергей Белашов. (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://m.ok.ru/group/53995195465925/topic/156163359012293> (дата обращения 5.09.2025).
- Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития. (2020) *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/18825> (дата обращения 05.09.2025).
- Русский миллиард. Юрий Крупнов о стратегии демографического взрыва и рывка. (2018) *Красная линия*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-04-10-russkiy-milliard-yuriy-krupnov-o-strategii-demograficheskogo-vzryva-i-ryvka/> (дата обращения 05.09.2025).
- СВО и революция военного дела. (2024) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/121805/> (дата обращения 05.09.2025).
- Северная лаборатория. ТАФ-Ошевенск. (2025) М.: Мастерская-ТАФ, 152 с.
- Сергей Переслегин: история как предмет управления. (2021) *БизнесOnline*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/522642> (дата обращения 20.09.2025).
- «Тайная доктрина» трампизма: единственный вариант для Америки пережить потерю мирового лидерства. (2025) *БизнесOnline*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/680786> (дата обращения 05.09.2025).
- «Такие события, как сейчас, происходят раз в столетие»: Сергей Глазьев о сломе эпох и смене укладов. (2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YkChu2tOf1nzoSp7> (дата обращения 05.09.2025).
- Текст обращения Путина. (2022) *Интерфакс*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/865716> (дата обращения 20.09.2025).
- Фесенко, Д. Е. (2012) Архитектурная профессия: синергетическая трактовка актуального момента и взгляд в будущее. *Архитектурный Вестник*, № 5, с. 6–13.
- Фесенко, Д. Е. (2016) Архитектура и строительство как вторая производная. *Архитектурный Вестник*, № 4, с. 72–73.
- Формула Комова: как тактический урбанизм и философия суверенной архитектуры меняют реальность. (2025) *Строительство.ги*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rcmm.ru/kto-est-who/71180-formula-komova-kak-takticheskij-urbanizm-i-filosofiya-suverennoj-arhitektury-menjajut-realnost.html> (дата обращения 20.09.2025).
- Фурсов, А. (2022) Мир посткапитализма. *Изборский клуб*. [Электронный ресурс]. URL: <https://izborsk-club.ru/22303> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. (2024) На смену капитализму идет биоэкотехнофашизм. *Союзное вече*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. И. (2023) Приходит мир, который не ждали. Что для планеты означает конец прогресса. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2023/05/24/904894-prihodit-mir-kotoryi-ne-zhdali-cto-dlya-planety-oznachaet-konets-progre> (дата обращения 05.09.2025).
- Фурсов, А. И. (2024) Закрывающаяся дверь в будущее. *Завтра.ру*. [Электронный ресурс]. URL: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushayasya_dver_v_budushee_desyatiletie_kotoroe_opredelit_blizhajshie_70-80 лет (дата обращения 05.09.2025).
- Хренов, Н. А. (2024) *Искусство в ситуации культурологического поворота: методологические поиски*. М.: Канон+, 624 с.
- Центр гостеприимства. (2021) *Мегабудка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://megabudka.ru/posts/1918> (дата обращения 05.09.2025).
- «Это даст нам шанс победить». Александр Дугин обнародовал концепцию деколонизации России. (2024) *Первый русский*. [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/investigations/jeto-dast-nam-shans-pobedit-dugin-obnarodoval-koncepciju-dekolonizacii-rossii_1054358 (дата обращения 20.09.2025).

References

- Boglaev/Bobylev: *Avariynaya posadka* [Boglaev/Bobylev: *Emergency landing*]. (2025) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/video/watch/687272fb27b84310adc19761> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Degradiruyushchee Nechernozem'e — est' li vykhod? [The degrading Non-Black Earth Region — is there a way out?]. (2025) *Arkhitekturnyj vestnik — Architectural Herald*. [Online]. Available at: <https://archvestnik.ru/2025/02/19/degradiruyushcheye-nechernozemye-yest-li-vykhod/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Delyagin, M. G. (2025) *Ot stabil'nosti k modernizatsii* [From stability to modernization]. [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/Z72QLTUIP2L947Bq> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Direktiva Dugina: *Poslednyaya russkaya bitva, shest' glavnykh pozitsij* [Dugin's Directive: The last Russian battle, six main positions]. (2023) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZHYJBFcA5TirvWcw> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Dugin, A. (2023) *Novyj mnogopolynyj poryadok. Geptarkhiya i ee smysly* [The new multipolar order. Heptarchy and its meanings]. *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/24700> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Ermolaev, A. P. (2001) *Dom na Severe* [House in the North]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, № 2, pp. 18–22. (In Russian)
- “Eto dast nam shans pobedit’”. Aleksandr Dugin obnarodoval kontseptsiiu dekolonizatsii Rossii [“This will give us a chance to win”. Alexander Dugin unveiled the concept of decolonization of Russia]. (2024) *Pervyj russkij*. [Online]. Available at: https://tsargrad.tv/investigations/jeto-dast-nam-shans-pobedit-dugin-obnarodoval-koncepciju-dekolonizatsii-rossii_1054358 (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Fesenko, D. E. (2012) *Arkhitekturnaya professiya: sinergeticheskaya traktovka aktual'nogo momenta i vzglyad v budushchee* [The architectural profession: a synergetic interpretation of the current moment and a look into the future]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, no. 5, pp. 6–13. (In Russian)
- Fesenko, D. E. (2016) *Arkhitektura i stroitel'stvo kak vtoraya proizvodnaya* [Architecture and construction as a second derivative]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Bulletin*, no. 4, pp. 72–73. (In Russian)
- Formula Komova: kak takticheskij urbanizm i filosofiya suverennoj arkhitektury menyayut real'nost' [Komov's formula: How tactical urbanism and the philosophy of sovereign architecture are changing reality]. (2025) *Stroitel'stvo.ru*. [Online]. Available at: <https://rcmm.ru/kto-est-who/71180--formula-komova-kak-takticheskij-urbanizm-i-filosofiya-suverennoj-arhitektury-menjayut-realnost.html> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. (2022) *Mir postkapitalizma* [The world of postcapitalism]. *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/22303> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. (2024) *Na smenu kapitalizmu idet bioekotekhnofashizm* [Bioecotechnofascism is replacing capitalism]. *Soyuznoe veche*. [Online]. Available at: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. I. (2023) *Prikhodit mir, kotoryj ne zhdali. Chto dlya planety oznachaet konets progressa* [The unexpected world is coming. What the end of progress means for the planet]. [Online]. Available at: <https://www.km.ru/v-rossii/2023/05/24/904894-prikhodit-mir-kotoryi-ne-zhdali-cto-dlya-planety-oznachaet-konets-progre> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Fursov, A. I. (2024) *Zakryvayushchayasya dver' v budushchee* [The closing door to the future]. *Zavtra.ru*. [Online]. Available at: https://zavtra.ru/blogs/zakrivayushayasya_dver_v_budushee_desyatiletie_kotoroe_opredelit_blizhajshie_70-80_let (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Ginzburg, A. V. (2014) *Dom Narkomfina M. Ginzburga — o ramochnykh usloviyakh restavratsii pamyatnika* [The House of the people's commissariat of finance of M. Ginzburg — on the framework conditions for the restoration of the monument]. *Arkhitekturnyj Vestnik — Architectural Herald*, no. 1, pp. 64–69. (In Russian)
- Globalizatsiya umerla. Ostalos' perezhit' posledstviya. V kakom godu nachnetsya novaya Velikaya depressiya* [Globalization is dead. All that's left is to live with the consequences. What year will the next Great Depression begin?]. (2023) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/ZCXIAZsgdGEZqXqR> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Ionesov, V. I. (2024) *Nauka ob iskusstve v epokhu smeny kul'turnykh paradigm: razmyshleniya o novej monografii Nikolaya Andreevicha Khrenova* [Art science in the epoch of the cultural paradigms change: Reflections on a new monograph by Nikolai Andreevich Khrenov]. *Sfera kul'tury — Sphere of Culture*, vol. 5, no. 2 (16), pp. 135–143. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_16_135 (In Russian)
- Kalashnikov, M. (2025) *Tekhnologicheskaya respublika* [“Technological Republic”]. *Livejournal*. [Online]. Available at: <https://m-kalashnikov.livejournal.com/4726658.html> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Katasonov, V. Yu. (2023) *O protsente: ssudnom, podsudnom, bezrassudnom. “Denezhnaya tsivilizatsiya” i sovremennyy krizis* [On interest: Loan, judicial, reckless. “Monetary civilization” and the modern crisis]. Moscow: Tion Publ., 744 p. (In Russian)
- Khrenov, N. A. (2024) *Iskusstvo v situatsii kul'turologicheskogo povorota: metodologicheskie poiski* [Art in the situation of the cultural turn: Methodological searches]. Moscow: Kanon+ Publ., 624 p. (In Russian)

- Kostina, A. V., Sapozhnikova, V. S. (2025) *Traditsiya v tsifrovuyu epokhu: Tsennosti v setevom obshchestve i "novyy russkiy stil"* [Tradition in the Digital Age: Values in a networked society and the "New Russian Style"]. Moscow: Lenand Publ., 304 p. (In Russian)
- Kulish, V. O. (2014) "Dom-kommuna" I. Nikolaeva — usloviya sokhraneniya pamyatnika ["Commune House" by I. Nikolaev — conditions for the preservation of the monument]. *Arkhitekturnyy Vestnik — Architectural Herald*, no. 1, pp. 58–63. (In Russian)
- Kuznetsova, A. (2018) *Novoe vospominanie [New memory]*. [Online]. Available at: <https://archi.ru/russia/83905/russkii-dom> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2001) Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In: *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov. Stat'i, issledovaniya, zametki [The semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds. Articles, research, notes]*. Saint Petersburg: Iskustvo-SPB Publ., 148 p. (In Russian)
- Melent'eva, N. V. (2023a) Poslednyaya bitva paradigm: russkiy traditsionalizm protiv mirovogo liberalizma [The last battle of paradigms: Russian traditionalism vs. global liberalism]. *Katehon*. [Online]. Available at: <https://katehon.com/ru/article/poslednyaya-bitva-paradigm-russkiy-traditsionalizm-protiv-mirovogo-liberalizma> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Melent'eva, N. V. (2023b) Filosofskie osnovaniya liberalizma. Glavnyy komponent paradigmy sovremennosti [Philosophical foundations of liberalism. The main component of the modernity paradigm]. *Zavtra.ru*. [Online]. Available at: <https://zavtra.ru/blogs/filosofskie-osnovaniya-liberalizma> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Neuchen'ya t'ma. Matematik Savvateev predlozhl "peresobrat" rossijskuyu shkolu [Ignorance is the darkness. Mathematician Savvateev proposed "rebuilding" the Russian school system]. (2025) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/aKzRPq2WuAfbdlk> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Novyy standart vojny. Analiz doklada RAND Corporation "Dispersed, Disguised and Degradable" [A new standard of war. Analysis of the RAND Corporation report "Dispersed, Disguised, and Degradable"]. (2025) *AfterShock*. [Online]. Available at: <https://aftershock.news/?q=node/1513591&full> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Pamyati Aleksandra Samojlovicha Akhiezer (1929–2007) [In memory of Alexander Samoilovich Akhiezer (1929–2007)]. (2007) *Demoskop Weekly*. [Online]. Available at: <https://www.demoscope.ru/weekly/2007/0305/nauka01.php> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Pedsovet. Sergej Belashov [Teachers' Council. Sergey Belashov]. (2024) [Online]. Available at: <https://m.ok.ru/group/53995195465925/topic/156163359012293> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Russkiy Kovcheg. Al'ternativnaya strategiya mirovogo razvitiya [Russian Ark. An alternative strategy for global development]. (2020) *Izborskij klub*. [Online]. Available at: <https://izborsk-club.ru/18825> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Russkiy milliard. Yuriy Krupnov o strategii demograficheskogo vzryva i ryvka [Russian billion. Yuri Krupnov on the strategy of a population explosion and leap]. (2018) *Krasnaya liniya*. [Online]. Available at: <https://www.rline.tv/podrobnosti/2018-04-10-russkiy-milliard-yuriy-krupnov-o-strategii-demograficheskogo-vzryva-i-ryvka/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Sergej Pereslegin: istoriya kak predmet upravleniya [Sergey Pereslegin: History as a subject of management]. (2021) *BiznetsOnline*. [Online]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/522642> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Svernaya laboratoriya. TAF-Oshevensk [Northern Laboratory. TAF-Oshevensk]. (2025) Moscow: Masterskaya-TAF Publ., 152 p. (In Russian)
- SVO i revolyutsiya voennogo dela [The SMO and the revolution of military affairs]. (2024) [Online]. Available at: <https://www.nakanune.ru/articles/121805/> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- "Tajnaya doktrina" trampizma: edinstvennyj variant dlya Ameriki perezhit' poteryu mirovogo liderstva [The "Secret Doctrine" of trumpism: America's only option to survive the loss of global leadership]. (2025) *BiznetsOnline*. [Online]. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/680786> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- "Takie sobytiya, kak sejchas, proiskhodyat raz v stoletie": Sergej Glaz'ev o slome epokh i smene ukkladov ["Events like now happen once a century": Sergei Glazyev on the turning point of eras and the change of ways of life]. (2022) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/YkChu2tOf1nzoSp7> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Tekst obrashcheniya Putina [Text of Putin's address]. (2022) *Interfaks*. [Online]. Available at: <https://www.interfax.ru/russia/865716> (accessed 20.09.2025). (In Russian)
- Tsentr gostepriimstva [Hospitality center]. (2021) *Megabudka*. [Online]. Available at: <https://megabudka.ru/posts/1918> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- V SSSR byli predposylki dlya postroeniya kommunizma — istorik [The USSR had the preconditions for building communism — historian]. (2019) *Krasnaya vesna*. [Online]. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/afaf7b32> (accessed 05.09.2025). (In Russian)
- Velikaya perezagruzka: ot liberal'nogo kapitalizma k rabovladieniyu [The great reset: From liberal capitalism to slavery]. (2020) [Online]. Available at: <https://dzen.ru/a/X-BEFifOmCRavdOd> (accessed 05.09.2025). (In Russian)

Сведения об авторе

Дмитрий Евгеньевич Фесенко, SPIN-код: [7288-3852](#), ORCID: [0009-0001-4175-9078](#), e-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.
Главный редактор журнала «Архитектурный Вестник», академик МААМ, почетный член РААСН, действительный член РОИС

Author

Дмитрий Евгеньевич Фесенко, SPIN: [7288-3852](#), ORCID: [0009-0001-4175-9078](#), e-mail: fesenko.dmitry@mail.ru.
Editor-in-Chief of Architectural Herald, Academician of International Academy of Architecture (Moscow Branch),
Honorary Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Full Member of the Russian Society of Construction Engineers.